Огненные врата

Автор:
Дмитрий Емец

Огненные врата

Дмитрий Емец

Мефодий Буслаев #15

Огненные врата появляются в нашем мире нечасто, на короткое время и несут в себе смертельную опасность. Человек, прошедший сквозь них, навсегда оказывается в ловушке собственных страхов. В дни, когда могущественный артефакт материализуется на земле, Свет охраняет его от случайного вторжения, а Мрак просто наблюдает, не вмешиваясь. Но в этот раз Лигул не собирается оставаться в стороне. Желая отыграться за прошлое поражение, глава Канцелярии Мрака разработал гениальный план, в результате которого Огненные врата вернут в наш мир Кводнона – самого коварного, жестокого и свирепейшего темного правителя. Замысел удастся, если кое-кто совершит маленький проступок, а еще лучше предательство.

Меф, Ирка и Багров не знают, каким будет завтрашний день. Правда, в одном уверены точно – свою судьбу они решают сами. И даже не догадываются, что их роли уже расписаны…

Дмитрий Емец

Огненные врата

Не позволяй душе лениться!

Чтоб в ступе воду не толочь,

Душа обязана трудиться

И день и ночь, и день и ночь!

Гони ее от дома к дому,

Тащи с этапа на этап,

По пустырю, по бурелому,

Через сугроб, через ухаб!

Не разрешай ей спать в постели

При свете утренней звезды!

Держи лентяйку в черном теле

И не снимай с нее узды!

Коль дать ей вздумаешь поблажку,

Освобождая от работ,

Она последнюю рубашку

С тебя без жалости сорвет.

А ты хватай ее за плечи,

Учи и мучай дотемна,

Чтоб жить с тобой по-человечьи

Училась заново она.

Она рабыня и царица,

Она работница и дочь,

Она обязана трудиться

И день и ночь, и день и ночь!

Николай Заболоцкий

Глава 1

Закон возвратной ситуации

Из существа мыслящего духа рождается слово, присущее ему, в себе показующее мысль и равное ей; от мысли и с мыслию исходит дух, почивающий в слове и в слове сообщающийся слушающим; этот дух вполне равен и мысли, и слову и присущ им. Например, в слове «люблю» видишь и любящее начало, и слово, от него рожденное, и ощущаешь какое-то приятное дыхание любви.

Св. Иоанн Кронштадтский

– Пименова Дарья Афанасьевна – это, конечно, вы?

Дафна кивнула, качнув невесомыми светлыми хвостами. Она это, конечно, она. Глупо отрицать очевидное.

Рядом с паспортисткой лежал съеденный на треть вафельный торт. На такой нервной службе душа непрерывно нуждается в сладком, или сердце превратится в стручок красного перца.

– Девушка, вы считали, сколько раз за последние два года писали заявление об утере паспорта?

Дафна задумалась. С цифрами у нее было, как у истинного гуманитария: один – два – много. А еще лучше не умничать и показать на пальцах.

– А сколько раз можно?

Паспортистке шутка не понравилась. У нее была такая работа, чтобы всех подозревать.

– Вы их что, продаете? Признайтесь! – грозно спросила она, внезапно занимая лицом все окошко.

– Кого? – встревожилась Дафна.

– Свои паспорта!

Дафна заинтересовалась. Мысль была для нее новой.

– А сколько дадут?

Паспортистка не дала нисколько. Ей хватало паспортов на работе. Она еще немного постояла и опустилась на стул, притянутая близостью торта.

– Вы осознаете, девушка, что в Москве уже, может, двадцать человек живут с вашим именем и вашей фамилией? И, возможно, даже с вашей фотографией?

Дафне это было безразлично. Пусть эти клоны хоть толпой ходят. И при этом любуются на ее фотографию.

– Без понятия.

Однако паспортистке очень хотелось, чтобы Дафна все же была с понятием, потому что минуты две выжимала из нее душу. Но потом надкусила торт и подобрела.

– Может, тебе вообще не носить с собой документы? – предложила она.

– Я не могу! – отказалась Дафна. – Если я оставляю их дома, их раздирает кот. Если беру с собой, то или теряю, или… их опять же раздирает кот. Это абсолютный тупик!

После такого ответа на нее окончательно махнули рукой. Велели заплатить штраф, сфотографироваться и заглянуть через месяц. Дафна вышла из паспортного стола и остановилась, глядя на солнце. Как страж света, она могла делать это не щурясь. Единственное, пожалуй, очевидное отличие стража от человека. Невидимые крылья, конечно, не в счет.

Она смотрела на солнце и не могла отделаться от ощущения, что нового паспорта не получит. Месяц – это безумно долго. Столько времени у нее попросту нет.

Только бы не случилось то, чего она боялась всю зиму и всю весну и близость чего ощущала! Если бы враг находился снаружи, его можно было бы победить или, в крайнем случае, ускользнуть. Но в этом случае ситуация сложилась другая. От врага ускользнуть было невозможно.

«Абсолютный тупик!» – как она сказала минуту назад, говоря о своем коте.

* * *

Страж второго ранга Фенгюс опустил пятирублевую монету в стеклянную баночку из-под детского питания. Оба предмета были принесены из человеческого мира. Фенгюс поставил банку на стол, отошел на четыре шага и двумя пальцами бережно снял с мундштука флейты волосок.

– Веник бы сразу захватил! – дружелюбно посоветовал страж третьего ранга Арлон.

– Очень смешно! В своей бестактности ты однообразен! – кисло отозвался Фенгюс.

Предыдущие восемьсот две банки он разбил вдребезги. Это была восемьсот третья попытка. Фенгюс поднес флейту к губам и выдохнул маголодию. Банка осталась стоять. Арлон удивленно моргнул. Подошел к банке и вытряхнул монету. Она была пробита в самом центре. Ровное, круглое, узкое отверстие.

– Признавайся! Ты ее просверлил заранее! – подозрительно заявил Арлон.

Фенгюс сиял от счастья. У него получилась четвертая по сложности атакующая маголодия света. Арлон покрутил в руках пустую банку, просунул внутрь палец и провел по стенке. На пальце остался желтоватый след. Арлон попробовал его на вкус. Потом посмотрел на этикетку, сверяя впечатление.

– Так и есть! Тыквенная каша… Я догадывался, что ты никогда не моешь банки!

– Прошу прощения! Я ополаскивал, – с достоинством возразил Фенгюс.

Арлон поставил пустую банку на стол. Отошел на шаг и вытащил свою флейту. Фенгюс вопросительно смотрел на него, потом напомнил: «Монету забыл бросить!»

– Оставь себе на бедность!

Арлон сосредоточился, закрыл глаза и осторожно, с бесконечной заботой выдохнул маголодию. Он точно выдувал невидимый мыльный пузырь. Получившийся звук был тонок и трепетен – невозможно было ожидать такого от задиристого, несколько циничного златокрылого. Само лицо Арлона и то изменилось. Колючее выражение исчезло. Стало ненужной, отыгравшей маской.

Банка лопнула изнутри. На столе лежала здоровенная, со следами земли на бугристых боках, тыква. Арлон убрал флейту:

– Вот так вот! Скушай тыквочку, друг мой Фенгюс, и перестань портить монетки!

Фенгюс недоверчиво ощупывал тыкву. Не так часто у тебя на глазах совершается настоящее чудо. Даже если ты в Эдеме.

– Невероятно! Она же пастеризованная! Ну, в смысле, в ней же все убито!

Дверь кабинета Троила медленно открылась. Оба стража, несущие караул в личных покоях Генерального стража света, разом повернули головы. Из спальни, держась рукой за стену, вышел Троил. Ступал он неуверенно, замирая после каждого шага. Куда исчезла его былая порывистость? Но главное – впервые после ранения мечом мрака он шел сам. Клинок Арея, врученный Мефом Эссиорху, сумел вытянуть яд.

Фенгюс бросился к нему. Арлон стыдливо попытался заслонить тыкву своей спиной. Она лежала на важных свитках, которые постепенно скапливались в приемной в ожидании подписи.

– Вам уже лучше?

Троил покачнулся. Арлон и Фенгюс подхватили его под локти.

– Позовите ко мне Эльзу Флору Цахес и Эссиорха!.. Прямо сейчас!

– Может быть, завтра? Вам надо отдохнуть!

– Я и так все время лежу и отдыхаю!.. Немедленно! – нетерпеливо повторил Троил.

* * *

Эссиорх сидел на перевернутом ящике и старательно красил потемневшую от грибка балконную дверь. Рядом стояла Улита и, имея на лице помогательное усердие, держала банку с краской.

– Не стой тут! Тебе нельзя дышать этой гадостью! – озабоченно сказал Эссиорх.

– Ну уж нет! Я же тебя люблю! А раз люблю – значит, все делаем вместе! – Не выпуская банки, бывшая ведьма склонилась над перилами и стала смотреть вниз.

Мальчик лет девяти скатывал со ступенек взрослый велосипед. Задним колесом вперед, что было дико неудобно. Рядом вертелась маленькая девочка, по виду ужасная тараторка и егоза.

– Ну почему ты не вынес тот другой, ну почему? Я бы тоже могла кататься! – стонала она.

– Уд-ди! – упрямо отвечал мальчик. Прямо так, с двумя «д».

Девочка смотрела на него с раздражением, но одновременно с обожанием, как на человека, делающего нечто неброско великое. Улита не выдержала и задорно свистнула с балкона. Девочка пугливо посмотрела наверх.

– Видишь ту тетю? – громко зашептала она.

– Уд-ди!

– Она читает мысли! Я у нее вчера спрашиваю: «На ком я поженюсь?» А она мне: «Любовь не состоится».

– Уд-ди, а! – повторил мальчик, роняя на себя велосипед.

Он уже усвоил всю магию этого простого слова.

– Смотри! Корнелий! – Улита скользнула глазами вдоль дорожки.

К подъезду заячьими полупрыжками мчался Корнелий. У подъезда он перешел на крупный шаг и в квартиру ворвался немного отдышавшимся.

– Тебя вызывают в Эдем! Вызов первой срочности! – крикнул Корнелий, от беспокойства подскакивая к потолку. Хранитель Прозрачных Сфер на всякий случай посмотрел ему под ноги. Просыпавшихся веснушек не было.

Эссиорх и Эльза Керкинитида Флора Цахес появились в Доме Светлейших без четверти три. На первом небе царила невероятная суета. Особенно в секторе Устранения Последствий, через который они сгоряча пошли, надеясь срезать путь.

Помощник младшего стража буксировал за гриву единорога. По ошибке тот объел листву с дерева невесомости и уподобился наполненному газом шару. Единорог влекся по воздуху, не касаясь мраморных плит, и впадал в панику, когда его подхватывало сквозняком и разворачивало копытами кверху. Помощник младшего стража терпеливо подпрыгивал и возвращал единорога в привычное ему положение.

Два сильномогучих богатыря из технической службы тащили ванну с русалкой. Третий богатырь, тощенький и совсем еще юный, бежал рядом и поливал русалку из лейки, чтобы не пересыхала. Русалка хохотала и, заигрывая с ним, брызгала водой. Ее забавляло, что богатырь краснеет, как девушка.

Домовой с круглым значком уборщика случайно впылесосил призрака и переговаривался с ним через трубу, уговаривая выйти. Притворяясь, что не понимает, призрак отвечал ему на древних языках. Внутри пылесоса ему нравилось.

Шмыгалка безостановочно фыркала. Она была недовольна, что не успела сделать приличествующую случаю прическу. Ее юбка-колокол занимала пространство, на котором легко смог бы улечься грифон. На высокой шляпке распускались и опадали розы, сразу покрывавшиеся новыми бутонами. Шмыгалка шла, помахивая зонтиком, и разливала за собой реку розовых лепестков.

– Молодые люфи! Нам на фрефье фебо! – строго сказала она златокрылым, дежурившим в Доме Светлейших у транспортной руны.

Так случилось, что оба златокрылых были нового набора и не знали ни Шмыгалку, ни Эссиорха.

– Что вы сказали, простите? – робко переспросил один из них.

Эльза Керкинитида Флора Цахес искренно считала свое произношение эталонным.

– Фрефье фебо, фюнофя! У меня фто, плофая дикфия? Или фам на фальцах показать?

– Третье небо! – вмешался Эссиорх, заметив, что златокрылые переглядываются.

– Простите! Допуск на третье небо ограничен! У вас есть разрешение?

Шмыгалка начала багроветь.

– У меня есть сердце, ум и фовесть! То есть то, о фем фы мофете профитать только в книфке!.. И кто, позфольте узнать, науфил вас так дерфять флейту? У фас ее щелчком фыбьют! – заявила Шмыгалка и решительно шагнула в транспортную руну, из которой за секунду до того появился Фенгюс.

Личного охранника Троила златокрылые знали и мигом вытянулись по струнке.

– Все в порядке! По личному вызову Троила! – крикнул Фенгюс златокрылым и приветственно потряс Эссиорху руку.

– Осторожнее! Сильно не сжимай! – запоздало предупредил хранитель. Две крайние костяшки у него были содраны.

– Ого! – уважительно воскликнул Фенгюс. – Ночная схватка с мраком?

– Скорее дневная с асфальтом, – пояснил Эссиорх.

Вчера он неудачно завалился на мотоцикле, подрезанный маленькой дамочкой на крошечной машинке, забывшей о существовании зеркал. Дамочка долго извинялась и метров сто пробежала за Эссиорхом с зеленкой, пытаясь оказать ему первую медицинскую помощь.

Фенгюс втянул носом запах керосина, которым Эссиорх оттирал со своих рук краску.

– Необычный аромат! Что у вас там в Москве цветет? – наивно спросил он, проявляя слабое знание земного быта.

– Грибок на балконных дверях, – ответил Эссиорх.

Фенгюс важно кивнул и на секунду закрыл глаза, пополняя запас сопутствующих ботанических знаний. Эссиорху стало совестно, и он торопливо шагнул в транспортную руну.

Троил не лежал в кровати, а сидел на ней, свесив ноги. Он очень похудел. Щеки запали, однако глаза сияли гораздо ярче лысины.

– Никто не хочет спросить меня про здоровье? Жаль. А то я замечаю, что постепенно учусь обижаться на тех, кто не спрашивает, и злиться на тех, кто спрашивает! Болезнь, оказывается, имеет свои искушения! – сказал он, улыбаясь Шмыгалке и бережно касаясь пальцев Эссиорха рядом со сбитыми костяшками.

– Снова упал? Не пора переходить на велосипед?

Эссиорх поспешно начал что-то объяснять, но Троил успокаивающе махнул рукой, показывая, что про велосипед это совсем не приказ и хранитель может решать сам.

– Как добрались?

Эльза Керкинитида Флора Цахес торжественно сообщила, что лично она добралась просто замечательно и, несмотря на многие унижения, всем довольна. При этом Шмыгалка красноречиво взглянула на Фенгюса. Она была совсем не прочь, чтобы охрана внизу, а заодно и сам Фенгюс получили нагоняй.

Однако Троил не стал подробно разбирать унижения, которым подвергли бедную Шмыгалку. Он потрогал пальцем свои золотые крылья, качнул их и внезапно стал серьезным:

– У меня плохие новости. Один из наших дозорных видел вчера на рассвете Огненные Врата! В Москве, в районе Хорошево-Мневники, над которым он нес патрулирование. Врата появились на несколько минут, потом исчезли. Контур их был размытым. Это значит, что вскоре Огненные Врата материализуются снова и останутся на этом же месте на несколько дней.

Эссиорх стал представлять, где это, и вспомнил, что не далее как позавчера ночью он несся по Хорошево-Мневникам на мотоцикле, направляясь в Серебряный Бор.

– Дозорный не ошибся?

Троил покачал головой:

– Едва ли. Дозорный опытный. Кроме того, совпадают даты. Смотрите: с момента последнего появления Огненных Врат прошел двести один год, со времени предпоследнего – триста девяносто восемь. И вот сейчас. Таким образом, средний интервал материализации Огненных Врат в человеческом мире – около двух веков.

– Но Огненные Фрата суфествуют фсегда! – тоном учительницы сообщила Шмыгалка.

– Су… ществуют, – было заметно, что секунду Троил боролся с озорным желанием передразнить почтенную даму, но сдержался. – Но не в материальном мире. За Огненными Вратами однажды окажется каждый – человек и страж, но

после смерти. В эти же несколько дней в них сможет войти всякий, кто найдет способ их открыть. К счастью, это не так просто.

– Но ведь двести один год назад такого не произошло. И до этого тоже… – заметил Эссиорх.

– Я просил поднять архивы. Тогда они материализовались над океаном, а перед этим в горах. И, уж во всяком случае, не в густонаселенном районе Москвы.

Эльза Керкинитида Флора Цахес качнула полями шляпки:

– Ну, мофет, фсе-таки фсе не так страфно!

– Страшно, Эльза! Огненные Врата и Жуткие Врата – это, по сути, одно. Ну, как предмет и тень предмета. Только Жуткие Врата ведут из магического мира, а Огненные – из человеческого.

Эссиорх наклонился вперед. Он понял, почему вызов в Эдем был первой срочности.

– Да, – продолжал Троил. – Те самые Жуткие Врата, за которыми таится древний хаос и заточены сущности погибших стражей мрака. Физическое воплощение Жутких Врат находится в Тибидохсе на острове Буян. Его тщательно охраняют маги, а с недавних пор – и усиленный отряд златокрылых. На Буяне это возможно, поскольку Сарданапал на нашей стороне. Но из человеческого мира Огненные Врата ничем не защищены! Несколько дней они будут в свободном доступе если не в самом центре Москвы, то совсем недалеко от него!

Генеральный страж помолчал, давая своим словам впитаться.

– За Огненными Вратами – иная логика, иная система координат. Там начинается вязкий мир, который нужно как можно скорее миновать, чтобы не провалиться в Тартар, и многие из оказавшихся там прекрасно это понимают, но их удерживает то, что они накопили в жизни.

– Откуда вы все это знаете? – жадно спросил Эссиорх. Насколько ему было известно, в учебниках об этом ничего не писалось. Огненные Врата были

загадкой для всех.

– Много лет назад я побывал там. Способом, который трудно повторить специально. Один из стражей мрака вонзил мне между крыльев кинжал, после чего мы с ним вместе, сцепившись, долго летели с горы, ударяясь о каждый камень, который соглашался найти на нас время. В полете я зубами сумел раскусить ему дарх и немного притормозил крыльями. Мой противник упал на дно ущелья. Я свалился на него. Он разбился, я почти разбился, и за Огненные Врата нас затянуло вместе.

Эльза Керкинитида взглянула на Троила с беспокойством.

– Я об этом не слышала!

– Это случилось, когда я не был златокрылым. Самонадеянный молодой страж, которому едва исполнилось девятнадцать тысяч лет. Мы оказались за Огненными Вратами. Мой противник куда-то исчез, а я понял, что застрял. Я метался в полной растерянности. Сколько – даже не знаю. Время там течет иначе. По счастью, меня искали и нашли. Вытащили кинжал, перенесли в Эдем, и тело, оживая, притянуло душу.

Троил рывком встал с кровати, опираясь на руку Эссиорха. Хранитель чувствовал силу его сухих пальцев.

– Я знаю, что видел то, чего не видел никто другой. Стражей света и мрака обычно быстро уносит – кого в Тартар, кого на верхние уровни Эдема, я же, видимо, оставался из-за тела, которое не пожелало умирать.

– Там очень страшно? – спросил Эссиорх.

– Тем, кто там застрял. Хотя за Огненными Вратами еще не Тартар, а скорее место столкновения с истиной. Человека там наказывает не кровожадный Лигул с плоскогубцами, а ОН САМ.

– Наказывает? – переспросила Шмыгалка, волнуясь выщипанными бровями.

– Получается, что да. За Огненными Вратами действует закон возвратных ситуаций. Малейшая трещина становится пропастью. Человек встречает себя в невыгодной ситуации, но сам себя не узнает и сам от себя отворачивается. Например, видит себя попавшим под машину, но спокойно проходит мимо, потому что не узнает себя или боится воображаемых неприятностей. А мог бы СЕБЕ помочь и вырваться.

Генеральный страж опустил лицо. Теперь он говорил совсем тихо:

– Жутко. Идешь там, и кажется, что ты попал в самый большой во Вселенной сумасшедший дом. Убийца убивает сам себя, чтобы отнять бумажник, который и так лежит у него в кармане. И делает это миллиарды раз подряд, не испытывая ни малейшего сомнения, что что-то идет не так. Вор, не узнавая, крадет у себя последний кусок хлеба, который мог бы его насытить. Женщина сама у себя отбивает мужа, а потом рыдает от одиночества как безумная. А тут же рядом, шагах в трех, сердитый пограничник не пропускает себя дальше, придравшись к отклеившемуся уголку фотокарточки. По ноздри провалился в жижу, но все равно упрямится и повторяет: «Не положено!» Причем я не сказал бы, что там застряли особые злодеи. Большинство обычные люди. Тихая бабулька, не пустившая к себе женщину, за которой гнались, теперь в смертном ужасе сама стучится в двери, чуя погоню, и сама себе не открывает… А казалось бы: да поверни ты только замок и вырвешься. Но это невозможно.

– Почему?

– Свойство пространства за Огненными Вратами. Здесь, в нашем мире и даже в Эдеме, человек – пластилин. Мы можем меняться, ошибаться, раскаиваться в своих поступках. А там пластилин точно отливают из бронзы. Человек становится неизмененным. И все дефектное, что в нем было, все внутренние надломы делаются неисправимыми.

Шмыгалка снова фыркнула и тряхнула шляпкой, осыпая розовые лепестки.

– Никогда? – спросила она.

Троил оглянулся на штору, которая вобрала в себя столько внешнего сияния третьего неба, что сияла уже и сама.

– Время единично. Прошлое уже осуществилось. Будущее зависит от нашего выбора в настоящем. Тот же, кто умер, находится вне системы координат. И никакие возвраты в осуществившееся единовременное, естественно, невозможны. Никто не позволит тебе бесконечно переигрывать одну и ту же комбинацию слов и поступков, поскольку от твоих свершившихся поступков зависят прямые и косвенные поступки сотен миллионов других людей.

– Значит, только в памяти и только кусая руки… – тихо сказал Эссиорх.

– Именно так, – неожиданно жестко произнес Генеральный страж. – Вот они и переигрывают одно и то же. Никак не могут осознать, что все свершившееся свершилось навек. И – свершается вечно. Это у нас упавшая с дерева капля падает быстро. На том же участке пространства за Огненными Вратами нет линейного времени. Если падение этой капли было поступком и как-то повлияло на нравственный выбор – оно станет там вечным. Другое же там и не вспомнится.

– То есть бабулька так и не откроет эту дверь, и нам ей не помочь! – грустно произнес Эссиорх. – А дверь-то реальна или иллюзия?

– Абсолютно реальна. Она существует, со всеми замками, с обивкой, с номером квартиры и «глазком»… И неважно, что на земле эту дверь давно сожгли при сносе дома вместе с прочим мусором. Даже если я соберу из Эдема всех златокрылых, прилечу на грифоне и захвачу все стенобитные орудия Великого Рима, всех наших совместных усилий не хватит, чтобы вышибить единственную хлипкую дверь и помочь единственной старушке открыть самой себе!

Эссиорх попытался построить логическую систему.

– А как же эйдосы этих людей? Они сразу идут или нам, или мраку?

Троил с усилием поднялся и подошел к окну, из которого открывался вид на третье небо, где пересекались две яркие, никогда не гаснущие радуги. Третья радуга, поменьше, с этой точки была едва видна. Под радугами, как под мостами, медленно проплывали облака. Описывая круг за кругом по длинной спирали, они спускались на второе небо, затем за первое и несколько дней спустя, проделав долгий путь, оказывались в человеческом мире.

– Идут, – согласился Генеральный страж. – Но никто не знает, что испытывает эйдос, когда определяется его судьба. В одном мгновении может уместиться миллиард лет, а в одной песчинке – галактика. Возможно, Огненные Врата – это параллельное течение сознаний на момент определения эйдосов. Или, возможно, эйдос несчастной старушки уже у мрака, и именно поэтому ей сейчас так плохо… Честно говоря, я тогда был слишком взволнован, чтобы разобраться во всем до конца. Понял только, что нижний уровень Огненных Врат – втрое хуже, чем верхний. Если наверху бесконечное повторение ситуаций, то там – царство сбывшейся мечты.

– А чего плохого в сбывшейся мечте? – наивно спросил Эссиорх.

– Смотря в какой. В большинстве случаев мечты опаснее змей. Человек чего-то желает, и сам не понимает, как будет страшно, если он наконец получит то, чего он так жаждал. Например, один хочет богатства настолько, что это становится его главной страстью, и… оказывается в огромном контейнере, наполненном мелочью по одной копейке. Вот он ползет по ней, захлебывается и понимает, что целую вечность, сотни и тысячи миллиардов лет, вокруг него будет только эта мелочь. А кто желал только объятий и страсти – получает их на миллиарды лет. Рад бы уже и разомкнуть их, но невозможно. Он уже пресытился, ему жутко, страшно, а вокруг зловоние и такие же копошащиеся люди, смертельно ненавидящие друг друга из-за невозможности разомкнуться… Но туда я вообще старался не заглядывать! Мне хватило и горизонта повторяющихся ситуаций!

Эссиорх поежился. Бывают случаи, когда опасно иметь слишком живое воображение.

В окно влетела бабочка-хамелеон и стала толкаться в шторы. Троил протянул руку и быстрым движением поймал ее. Бабочка, защищаясь, сделала крылья зеркальными и, собрав ослепляющий свет третьего неба, направила его в глаза Троилу.

Генеральный страж выпустил бабочку и, моргая, стал тереть глаза. Тем временем рисунок крыльев бабочки повторил рисунок штор, став от них неотличимым.

– Видели? И на какую высоту поднялась – тоже?.. – спросил Троил, улыбаясь. – А вот в человеческом мире не прижилась. Я сам ходил, искал, где она отложит

яйца, и переносил их в тропики. Гусеницы выводятся, но дальше дело стопорится.

У Эссиорха, жадно глядевшего на Троила, мелькнула мысль, что, возможно, тот и стал Генеральным стражем потому, что навсегда остался радостным мальчишкой со сбитыми коленями. Мальчишкой, быть может, и постаревшим, и погрустневшим, но с такими же небесными глазами.

– Ну и что ты думаешь? – спросил Троил.

– Ну… э-э… в Огненные Врата войдет живой человек, что создаст парадокс. В потустороннем мире окажется материальное тело. Это повлияет на определение пусть даже единственного эйдоса в мироздании. Произойдет выпадение из системы координат. Ну а достать его оттуда мы не сможем, поскольку там все зависит только от него, а он там… хм… отвердел, – сказал Эссиорх бодрым тоном студента-отличника, нашаривающего правильный ответ.

Троил разглядывал его и весело щурился.

– М-да-а… Экзамен на младшего стража ты не сдал бы. Возможно, на помощника натянул бы. И что? Твои идеи?

– Обеспечить охрану ворот, поскольку убрать их из человеческого мира мы, видимо, не сумеем. А вот расставить вокруг десятка три златокрылых – дело другое. Хотя лучше все же не златокрылых. У них с маскировкой вечные сложности. Опять толпа греческих римлян старославянского извода будет сажать деревья на проезжей части Крымского моста.

Троил даже не улыбнулся.

– Нет, нельзя. Если мы пришлем стражей, мрак вышлет своих, чтобы не дать нам преимуществ. Не превращать же Москву в поле битвы? Они введут легион из Нижнего Тартара, мы в ответ бросим в бой грифонов, и в человеском мире закипит война. Поэтому придется решать все силами тех, кто уже сейчас находится в городе. То есть тебя, Улиты, Корнелия, Буслаева и валькирий. Если мы не добавим на доску новых фигур, то и мрак не сможет сделать того же. Принцип баланса будет соблюден.

– Можно довольно жестокий вопрос? Если парадокса не возникнет, в чем опасность? Ну войдет туда кто-то один, чудом открыв ворота. Да, ему будет не очень весело, он узнает о себе много неприятного, но в чем риск для мироздания?

– Любой случайно попавший туда человек рано или поздно вернется из-за Огненных Врат. Они не смогут его удержать и исторгнут, как исторгли когда-то меня. В момент выхода защита Врат ослабнет, и изнутри, из потустороннего мира, с ним вместе сможет прорваться тот, кто ищет любого случая, чтобы выхлестнуть свою злобу.

– Кводнон? – с ужасом спросил Эссиорх.

Троил кивнул:

– Да. Он накопил столько ненависти, что Жуткие Врата на Буяне плавятся. К ним невозможно прикоснуться. Не удивлюсь, если узнаю, что Кводнон растворил сущность Чумы-дель-Торт. Хотя, конечно, это только гипотеза.

– Но почему Кводнон не сделал этого в прошлый раз, когда там были вы? – спросил Эссиорх.

– Причин, как минимум, две. Первая: он был еще жив. Вторая: я не человек.

Шмыгалка клюнула высокой прической:

– А теферь мофно я спрофу? Пофему, перефисляя Эссиорха, Кофнелия, Буфлаева и фалькирий, фы не упомянули мою уфеницу? Я не ферю, что это слуфяйнофть!!!

– Дафну? – переспросил Троил, хотя на память, как известно, никогда не жаловался. – Потому что младший страж Дафна, № 13066, из третьего дивизиона света, будет уже в Эдеме. Ждать больше нельзя. Как человек она вполне здорова, но как страж – в критическом состоянии. Она уже почти и не страж. Мы отзываем ее, если она сама даст согласие.

Троил говорил с некоторым замедлением. Эссиорх почувствовал, что он очень устал. Наскоро попрощавшись, они со Шмыгалкой собрались уходить, но на

пороге Эссиорх вдруг обернулся:

– Простите… еще вопрос… очень быстро… про Багрова и Ирку. Мне как-то тревожно за них.

– Что-то случилось?

– Нет. Внешне все хорошо, но мне беспокойно.

Троил, щурясь, смотрел на свет за окном. Говорили, на него вообще нельзя глядеть долго: закружится голова.

– Думаю, повод для беспокойства есть. У бывшей валькирии – редкий дар. Мрак еще не знает о нем, как, наверное, и она сама, но что-то уже почуял. Думаю, он будет постоянно вертеться рядом. Мы же не сможем вмешаться, чтобы не нарушить свободу воли Ирки и Багрова.

– У Ирки дар? Она же всего лишилась! – недоверчиво произнес Эссиорх.

Прямого ответа он не получил.

– Любимая игра мрака в «отберу – не отберу». Отбираешь у ребенка игрушку – он плачет. Перестаешь отбирать – успокаивается. Если же отобрать игрушку окончательно, рычаг воздействия исчезнет, что не выгодно мраку. Поэтому он будет вечно отбирать, тотчас давать, снова отбирать – и так до тех пор, пока совсем не измотает, – сказал Троил точно совсем о другом.

Эссиорх поспешно соображал, как можно истолковать эту мысль применительно к Багрову и Ирке.

– А у нас какая игра? – спросил он, надеясь на подсказку.

– У света нет игры. Мы не мешаем мраку отбирать игрушки, чтобы человек понял: те игрушки, которые способен отнять мрак, ничего не стоят.

Глава 2

Папоцка и Мамоцка

Свободная любовь – типичная логическая обманка мрака. Если хочу – люблю, хочу – не люблю, это не любовь. А если действительно любовь, то сразу того нельзя, сего нельзя. Какая уж тут свобода?

Эссиорх

Преподавательница Волчкова – рыжая особа с зеленоватой челочкой, имевшая привычку на семинарских занятиях вертеть в руке кусок пластилина и отщипывать от него, – взяла зачетку Мефа.

– Достаточно! Я удовлетворена вашими знаниями! – поведала она.

Буслаев, которому казалось, что он сейчас произнес убедительную речь про зоологию позвоночных, с замиранием сердца смотрел, как ручка скользит по бумаге.

А потом она оторвалась от зачетки и…

– А почему «три»? – не сдержавшись, воскликнул Меф.

– Я же сказала: я удовлетворена вашими знаниями, – спокойно пояснила Волчкова.

– Но я же хорошо говорил!

– Совершенно верно. Хорошо говорил. А надо хорошо отвечать… Следующий!

Меф схватил рюкзак и выскочил в коридор. Это была первая его тройка на летней сессии, и он сомневался, что на пересдаче в конце июня получит больше. Волчкова невзлюбила его еще в сентябре и каждые пять минут ляпала что-нибудь вроде: «Разумеется, наш красавчик поленился принести методичку» или «Надеюсь, Буслаев не упадет в обморок, когда в следующий раз я принесу из

лаборатории скелет крысы».

Старые девы с биофака, по наблюдению Мефа, делились на две группы. Первая ставила любому молодому человеку высший балл при условии, что он сумел бы правильно найти на картинке слоника, жирафа и крокодила. Вторая – не поставила бы четверки даже в том случае, если молодой человек был бы Мичурин, Вавилов и Менделеев в одном лице. Меф же, увы, был всего лишь Буслаев.

В коридоре Мефа мгновенно окружили и стали выяснять подробности. Буслаев пасмурно отвечал. Его мгновенно завалили «утешающими» сведениями. С тройками в аспирантуру не принимают. Это на тот случай, если Мефу туда сильно захочется. Но, с другой стороны, за несколько лет многое может измениться. Например, Волчкова выйдет замуж и подобреет. Или через годик, когда все поутихнет, пересдать можно не Волчковой, а кому-нибудь другому, с той же кафедры.

– Знаете что? Ступайте вы все в бамбуковую поросль! – буркнул Меф, в тропической форме отправляя всех лесом. Утешения как таковые он ненавидел. Настроение у него было паршивое. Десять дней готовиться, чтобы получить трояк.

За прошедший год Мефодий хорошо изучил своих сокурсников. У них, как и везде, имелось два-три отличника, которым все равно, что и когда сдавать. Но лучше первыми, чтобы не тратить ни секунды жизни. Они заходят, исчерпывающе отвечают, не тратя времени на подготовку, и через двадцать минут после начала экзамена спокойно шлепают в фундаментальную библиотеку, потому что успели прочитать только тридцать девять книг из необязательного списка по химии, а сороковая так и осталась непроштудированной.

Есть несколько известных лоботрясов, постоянных обитателей курилки, которые своей смелостью похожи на отличников с той только разницей, что им нечего терять.

И, наконец, подавляющее большинство составляет лавирующая масса, которая дрябло, как протоплазма, трясется в коридоре и, припав глазом к процарапанной дырочке в закрашенной двери, пытается определить: какое лицо

у препода и какое у отвечающего. Эта масса прекрасно осведомлена, что все преподаватели разные. Некоторые вначале ставят несколько пятерок «за смелость», потом начинают спрашивать строже, неожиданно звереют и всю вторую треть экзамена режут всех подряд, добрея только к финалу. Другие, наоборот, – вначале режут, а потом, подустав, прерывают после первого же предложения фразами: «следующий вопрос» и «достаточно». Главное для этой массы – поймать психологическую волну преподавателя и на этой волне спокойно переправиться к очередному зачету или экзамену.

Через толпу «протоплазмы» Меф пробивался к буфету, чтобы дождаться Дафну, когда ощутил чей-то взгляд. В этом не было ничего удивительного, ибо с Мефом то и дело здоровались, окликали его, смотрели на него, но этот взгляд казался особенным. Упорным, тяжелым, абсолютно осязаемым. Словно струя ледяного воздуха на миг коснулась его спины.

Привыкший доверять интуиции больше, чем разуму, Буслаев обернулся. Ему показалось: у лестницы мелькнуло и сразу исчезло чье-то лицо. Когда Меф из упрямства добрался до лестницы, там никого уже не было, кроме двух девушек с третьего курса, которые, как кошки, зарывали окурки в цветы. Девушки настороженно оглянулись на Буслаева и продолжили свое занятие.

Потоптавшись на лестнице, Меф вернулся. Еще издали он увидел огромную фигуру, которая, как ледокол, проламывалась сквозь толпу. Студенты и студентки пугливо отскакивали. Не так часто в смирных университетских коридорах встретишь бугрящегося мышцами гиганта в красных шортах, буденновке и с желтым шариком на нитке.

Разумеется, это был Зигя – радостный, смешливый, восторженный Зигя, жизнь для которого состояла из праздников, переживаний и открытий. Бабочка пролетела или бутылка с газировкой пшикнула – праздник. Коты подрались – переживание. Зубной пастой можно рисовать на обоях – открытие.

Да и вообще, если разобраться, что такое чудо? Нарушение привычного хода вещей. Когда взрослый видит, что летит бегемот, – он вызывает врача. Когда это видит ребенок – он радуется. Поэтому при детях бегемоты летают чаще. Им нет смысла притворяться.

Заметив Мефа, гигант, радостно ухмыляясь, зашагал к нему. Покрытая жуткими шрамами грудь оказалась на уровне лица Буслаева. Каких шрамов тут только не было – и от копья, и мелко-рваные от бензопилы, и от клинкового оружия, и от разбитого стекла. Практикующий хирург-травматолог обнаружил бы тут для себя массу интересного. Два или три шрама были свежие, но Зигя не заморачивался: они уже зарастали. Самый большой из них – должно быть, от автоматной пули, которая, войдя в грудь, вырвала из спины кусок мяса, Прасковья залепила белым пластырем. На пластыре же написала маркером «ПУФ!».

– Дяди пативные! Дяди жадные! Не хотели, чтобы Зигя на их больсой масыне с синей лампоской катался! Там много разных масинок было, и все с лампосками! – пожаловался великан, заметив, что Меф разглядывает его «ПУФ!».

– Так это вы выбросили из машины английского премьера? – шепотом спросил Меф, смутно припоминая все скандалы последней недели.

– Он сам вышел на перекрестке. Мамоцка казала ему: «Блысь!» – объяснил Зигя.

Буслаев оглянулся. На них смотрело человек десять. Многие с ужасом. Еще бы! Зигя выглядел как гладиатор-убийца. Никто не знал, что таким он становится только под влиянием сознания Пуфса.

– Чего ты пришел-то? – спросил Меф не совсем вежливо.

– Папоцка! Не говоли со мной стлого!.. Тебя зовет мамоцка! – трубно сообщил Зигя, шмыгая носом.

– Я не твой папа!

– Мамоцка говорит: мой! И исе она говорит: низя говорить глупоцти!!! – заявил Зигя.

Рядом нервно хохотнула девица Лада из Подольска, пишущая курсовик по простейшим. Меф часто брал у нее конспекты. Видно, под влиянием простейших почерк у девицы на всю жизнь остался как во втором классе, что Меф чрезвычайно ценил.

Буслаев вздохнул и впредь от своего чада решил не отрекаться.

– В чем дело? Ребятенка не видели? Это мой старшенький! – пояснил Меф.

Желтый шарик Зиги зацепился за щит с расписанием. Переживая, что он лопнет, Зигя резко повернулся, и человек шесть покатились, как кегли. Меф забеспокоился, что Зигя может, испугавшись, ломануться по коридору. Это было чревато последствиями.

– Веди себя хорошо, и я научу тебя делать бомбу из кока-колы и «Ментоса»! – пообещал Меф.

– Папоцка! – повторил Зигя. – Ты цто, оглох? Сколее! Мамоцка буить седиться!

– Она что, здесь? – забеспокоился Меф.

– Возьми меня за руцку! Мамоцка говорит: дети долзны ходить за руцку! Без руцки их мозно потелять! – потребовал Зигя, доверчиво протягивая ему ковшовую ладонь, которая рвала железо как бумагу.

Меф не осмелился посягать на авторитет мамочки. Прасковья сумела сформировать в своем дитятке правильное к себе отношение. Он протянул ему ладонь и позволил сыночку буксировать его за собой. Зигя летел как метеор. Пару раз Мефу казалось: если бы он не переставлял ног, гигант бы этого и не заметил. Они пронеслись по коридору и оказались в дальнем его крыле, у закрытой учебной части вечернего отделения. Здесь, в вечно пустом закутке у технических комнат, обычно ругались, целовались, прогуливали лекции, спешно переписывали бомбы и выясняли отношения.

Меф ожидал, что Прасковья будет ждать его на этаже, и даже прикидывал, не ей ли принадлежал тот взгляд, но Зигя пронесся к последнему холлу со служебным лифтом. Здесь он остановился, отпустил «папочку» и мощным пальцем надавил кнопку вызова.

– Твоя… наша мама нас чего, на улице ждет? – спросил Меф.

Зигя не ответил. Только что он обнаружил, что от его шарика осталась желтая резиновая тряпочка, которую он печально держал за нитку.

– Папоцка! – ужасным голосом крикнул Зигя. На его лице проступила непоправимость несчастья.

– Не надо, сын! Держи себя в руках! – быстро сказал Буслаев, но этим лишь ускорил трагические процессы, зародившиеся в груди у сыночка.

Его сотрясали рыдания. Он схватил Мефа, ощутившего себя бабочкой в руках у препаратора, и стал трясти его, вытирая о него зареванное лицо. Рубашка у Буслаева мгновенно промокла.

– Папочка! Царик бум! Царик бум!

– Куплю новый! Только отпусти! – прохрипел Меф.

Зигя задумался.

– Купи не два-один, а два-много!

Меф еще по прошлому году помнил, что такое Зигино «два-много». Это число начиналось от двух и простиралось в бесконечность.

– И цтобы один был такой вот зелененький! – продолжал мечтать Зигя, уверенно показывая на синюю стену.

Зигя уже успокаивался, когда Меф случайно заметил то, на что прежде не обращал внимания. На шее у гиганта на шнурке висел конный русский дружинник в плаще, занесший над головой меч для страшного удара. Подставка у него была погнута, меч наполовину отломан, и вообще бедняге очень досталось в жизни.

Когда-то Меф находил похожих солдатиков на балконе в детских игрушках папы Игоря. Они вставлялись по двенадцать штук в узкую подставку. Шесть русских с одной стороны, шесть тевтонцев – с другой.

Не подумав, Меф протянул к солдатику руку, но внезапно ноги его оторвались от пола, а сам он только чудом не размазался по стене.

– Мое! Не дам! – Зигя зажал всадника в ковшовой ладони. Маленькие глазки смотрели сердито и подозрительно.

Двери лифта открылись. Меф и Зигя разом повернули головы. Перед ними стояла тонкая и бледная Прасковья в платье таком алом, словно оно было выкроено из парусов Грея. Прасковья смотрела на Мефа. На виске у нее пульсировала голубая жилка. Не выдержав ее пылающего взгляда, Меф опустил глаза и обнаружил, что Прасковья босиком. На ногах – следы чернозема с факультетского газона. Между мизинцем и безымянным пальцем – застрявшая головка одуванчика.

– Одуванчик! – сказал Буслаев, хотя цветок в представлении явно не нуждался.

Прасковья даже бровью не повела. Мефу казалось: для нее не имеет значения, что он говорит, и говорит ли вообще. Смысл речи заложен глубже слов, и слова только тогда обретают силу, когда согласуются с этим глубинным смыслом. В противном случае они мало чем отличаются от блеянья.

Двери лифта стали закрываться. Зигя шагнул в проем и придержал их. Проскользнув у Зиги под мышкой, Прасковья оказалась рядом с Мефом и протянула руку к его лицу, не касаясь кожи. Ее пальцы дрожали. Лицо мучительно исказилось.

– Ме-о-й! Уээооо… ы… а… остоее… – попыталась произнести она.

Меф участливо слушал, не понимая ни слова.

– Да ничего! Учусь помаленьку! Сегодня вот трояк получил! Ты-то как? – ляпнул он, предположив, что Прасковья спрашивает, как у него дела.

Он не угадал. Пол под ногами у Мефа задрожал. Вспыхнули и мгновенно перегорели лампы дневного света. Стекло дало длинную трещину. На преподавательской парковке заныли, заканючили сирены. Меф подумал, что впервые в истории мироздания все силы Кводнона оказались собранными в двух

людях на узкой площадке у биофаковского лифта.

Убедившись, что у нее ничего не выходит, Прасковья нетерпеливо обернулась к Зиге. После гибели Ромасюсика именно он стал ее рупором. Зигю Прасковья берегла куда больше ходячей шоколадки, боясь повредить его детский разум. Если у Ромасюсика глаза стекленели и собственное сознание отключалось, то Зигя чаще озвучивал лишь основную идею, насколько сам ее понимал.

– Будь осторозен, папоцка! Мамоцка говорит: у тебя на лисе густь и одинозество! Скоро будет плохо. Тебе плохо, ей плохо. В Талтале цто-то цлусилось. Мамочка волнуется! Она чу… чуп… – запутался в словах Зигя.

– Чувствует, – договорил за него Меф.

«Младенчик» благодарно закивал.

– А что плохо? Что случилось? – Меф не был напуган, но знал, что Прасковья просто так паниковать не станет.

– Мамоцка не знает. Ей селдце подсказывает… И еще она посит меня казать: твоей цветлой цкоро у тебя не буит! – доложил Зигя.

– В каком смысле, моей светлой у меня не будет? И куда же она денется? – с угрозой уточнил Меф.

Прасковья молчала. Ее сыночка же волновало другое.

– Папоцка, а цто такое селдце? У тебя оно тоже есть? – принялся уточнять он.

Наследница мрака расхохоталась коротко и страшно. Мефа сбило с ног. Дальше по коридору хохот Прасковьи выдавил железную дверь лаборантской.

– Мамоцка, подозди! Папа царики обесял купить! Два-много! – страдальчески оглядываясь, Зигя вслед за мамочкой шагнул в лифт, просевший под его тяжестью.

– Только попробуй тронуть Дафну! Я тебя предупредил! – крикнул Буслаев в закрывающиеся двери лифта. Последним, что увидел Меф, была босая нога Прасковьи с застрявшим одуванчиком и покачивающийся на длинной нитке лопнувший шарик сыночка.

Несколько минут спустя, бесцеремонно растолкав мешавшие ему автомобильчики, от главного входа отъехал угнанный два часа назад трейлер с прицепом. Зигя не любил катать мамочку Прасковью в «масеньких масынках».

* * *

Некоторое время Меф простоял на площадке, неподвижно глядя перед собой. В голове вертелась фраза, что его светлой скоро с ним не будет. Что имела в виду Прасковья? Была ли эта угроза или, напротив, попытка предупредить об опасности? И откуда Прасковье об этом известно? Маловероятно, что свет докладывает ей о своих действиях. Тогда кто? Лигул? Но почему Прасковья утверждает, что плохо придется не только Мефу, но и ей самой? И кто, наконец, смотрел на Мефа?

Вопросы в голове шевелились, как тараканы на кухонной стене. Подзабытые подробности, до этого таившиеся в аппендиксе памяти, в тине нерешенных задач и отодвинутых проблем, выплывали одна за другой.

А что, если Дафна знала?

Что-то тревожило Дафну, причем тревожило давно. Она становилась то нежна, то раздражительна. Часто поднималась на крышу и сидела в одиночестве, глядя на свою флейту. Пыталась что-то играть, но не доводила до конца и бросала.

Когда Меф спрашивал ее, в чем дело, Дафна отвечала невпопад. Порой Буслаев поднимался на крышу с ней вместе и видел, как она летает. Порывисто, стремительно. То устремлялась в заоблачную высь, так, что перья покрывала изморозь, то, сложив крылья, падала к самой земле.

Меф следил за ней глазами, наблюдая, как она мечется, и ему чудилось: она безнадежно пытается соединить несоединимое – сшить тучи и город единой нитью.

В открытую они никогда не ссорились, но иногда в их отношениях появлялись недосказанности, полутона, недопонимание, и тогда оба, как чистоплотные сурки, принимались оттирать свою шерсть от малейшего пятнышка. Проблема состояла только в том, что иногда это запутывало отношения еще больше, как сурок, который сильнее пачкается, если начинает растирать лапками каплю клея.

В кармане завибрировал мобильник. Меф вытащил телефон и сообразил, что Дафна ждет его в буфете уже минут пятнадцать и это четвертый ее звонок. Буслаев полетел в буфет.

Буфет был типично университетским. На переменах и сессиях в него едва можно было протолкнуться. Во время же лекций он пустел, и становилось слышно, как на окне журчит фонтанчик в форме мельницы. За пузатым сундуком-витриной окопалась буфетчица Тетьзина. Кругло-стремительная. Перекатывающаяся. В фартуке с огромным карманом, в котором помещалось все на свете. Рук у нее было четыре… или шесть… или восемь… Они мелькали так стремительно, что бесполезно было их считать. Другим примечательным свойством Тетьзины было, что она никогда не давала мелкой сдачи и никогда не требовала занести деньги, если у кого-то не хватало. Получался такой приблизительный баланс.

В редкие моменты передышки Тетьзина проваливалась в неподвижность. Она сидела у окна на стуле, сложив на фартуке красные, исцарапанные нелегально обитавшей в буфете кошкой руки, и тогда все видели, что рук у нее всего две.

Меф успел в буфет вовремя. Рядом с Дафной уже пытались усесться два третьекурсника. Точнее, усаживался один, а своего приятеля, длинного и тощего, использовал как живой щит. Ему казалось: если он будет тюкать друга в присутствии девушки, втирая его в асфальт, то девушка увидит, какой он мужественный, и, сраженная, обрушится к его ногам.

– Простите, ребята! У меня билет на этот стул! – Меф уверенно сел напротив Дафны.

– Чего, серьезно? – возмутился активный и, убедившись по лицу Даф, что правда, ткнул пальцем в своего замученного друга: – Вот он вот дико недоволен! Посмотрите внимательно на его лицо! Это лицо озверевшего бабуина!

«Озверевший бабуин» застенчиво улыбнулся.

– Ну мы пошли! Простите нас, пожалуйста! – сказал он, утаскивая своего приятеля за рукав.

Меф купил у Тетьзины салат «Летний», образованный из двух покончивших с собой огурцов и одного умершего своей смертью помидора, и разогретую в микроволновке куриную ногу. Он знал, что Дафна, хотя и светлое существо, отнюдь не удовольствуется одним нектаром.

– Как экзамен? – спросила Дафна.

– Моими знаниями удовлетворены, – отозвался Меф, думая о другом.

Еще полчаса назад ему казалось, что трояк по экзамену трагедия. Теперь же Волчкова со своими фокусами отодвинулась на сто пятый план.

– Что случилось?

Мефодий рассказал ей о Прасковье, умолчав только о словах «твоей светлой у тебя не будет». Они казались слишком страшными, чтобы их повторять.

– Странно, – внезапно отозвалась Дафна.

– Что странно?

– Что Зигя с таким упорством называет Прашу мамой.

Меф поскреб ногтем лоб.

– Ну так не дедушкой же. Он же маленький… Ну, в смысле, по соображению.

– Это – да. Но мама у него точно была. Иначе не возникло бы и потребности в маме. И потом, я замечала, на него садятся комары.

– Ну и садятся. А кого они не кусают? – рассеянно отозвался Буслаев.

– Стражей мрака. Их кровь им не подходит.

– То есть Зигя – человек, каким-то образом оказавшийся в Тартаре, а затем вместе с Пуфсом вернувшийся в человеческий мир? – подытожил Меф.

– Все верно. Только не взрослый человек, а ребенок, выросший в Тартаре…

Дафна хотела заняться куриной ножкой, но когтистая лапа, вынырнувшая из горловины рюкзака, загарпунила ножку и уволокла. А еще через секунду послышался звук разгрызаемого сустава и голодное урчание.

Контрабандная кошка Тетьзины подозрительно выглянула из-под прилавка и хрипло мяукнула. Она была такой толстой, что давно уже не столько ходила, сколько каталась мячиком.

– Слушай, меня тут мысль одна занимает. Почему я не умер, когда узнал Ирку? Ну, что она та девушка, с которой мы когда-то дружили? Всякий, узнавший валькирию, умирает. Нелогично получается, – внезапно спросил Меф.

Гладкий лоб Дафны прорезался складкой. Только Буслаев мог искать логику там, где стоило просто радоваться.

– Валькирию! Когда ты узнал Ирку, она больше не была валькирией. Видимо, так.

– А-а, – кивнул Меф. – Тогда ясно… Все же интересная штука с Зигей получается. Они затянули живого младенца в Тартар и вырастили его там. Интересно, он там один такой?

Дафна не знала. Буслаева позвал из коридора однокурсник. Меф вышел из буфета. Дафна потянулась за ним, но ее окликнула Тетьзина:

– Светлая челочка! Ходь сюда! Да, ты-ты!

Натянув на лицо вежливо-вопросительное выражение, Дафна приблизилась.

– Не сбегай! Коробку свою забыла! – сообщила Тетьзина.

– Какую коробку? – растерялась Дафна.

– Вон, за стулом стоит!

Дафна оглянулась и, точно, увидела за своим стулом коробку из-под обуви.

– Это не моя.

– Правда, что ли? – не поверила Тетьзина. – Нечего крутить! До тебя тут ничего не было!

Дафна осторожно подняла крышку. Внутри коробка оказалась пустой. На дне фломастером было размашисто написано:

«Скоро тебя здесь не будет! Мы обе это знаем. Не волнуйся, я о нем позабочусь».

– Что это? – тихо охнула Даф.

Тетьзина рассеянно заглянула в коробку, но читать не стала. Ее волновало другое.

– Попробуй только здесь ее выкинуть! С собой уноси! Забьют ведро бумагой, а сверху суп сливают! Ученые девушки, блин! Гордость родины! – произнесла она с негодованием.

Глава 3

Человек из Тартара

Злоба или другая страсть какая, поселяясь в сердце, стремится – по непременному закону зла – излиться наружу. Оттого обыкновенно говорят о

злом или разгневанном человеке, что он выместил свою злобу на том-то или выместил гнев свой на том-то. В том и беда от зла, что оно не остается только в сердце, а силится распространиться вовне. (…) Как пары? или газы, во множестве скопившись в запертом месте, усиливаются извергнуться вон, так страсти, как дыхание духа злобы, наполнивши сердце человеческое, также стремятся из одного человека разлиться на других и заразить своим смрадом души других.

Св. Иоанн Кронштадтский

Средний Тартар – место кислое. В нем нет ни ужасов Нижнего Тартара, ни бредовых, часто сменяющихся видений Верхнего Тартара, по которым бедная душа бродит, не зная, за что зацепиться. Это серый бескрайний город, днем душный, ночью затхло-влажный. Улиц нет, да они и не требуются. Всюду расстилается громадная безрадостная равнина с хаотично разбросанными редкими строениями. Жалкие сарайчики и лачуги заполняют пространство между огромными, с размахом начатыми, но недостроенными зданиями.

Остовы сгоревших танков соседствуют с обломками серпоносных колесниц и громоздкими стенобитными орудиями времен монголов. Все здесь стремительно разрушается, но ничего не уничтожается до конца. Кажется, запятнавший себя предмет, некогда несущий смерть, и рад бы рассыпаться в прах, но, достигнув определенной точки разрушения, застывает и остается таким навеки.

Тем серым утром рядом с Канцелярией Лигула остановилась громоздкая, с двумя большими деревянными колесами, повозка. Повозку везла огромная облезлая птица, похожая на страуса. Именно похожая, потому что при более близком рассмотрении становилось ясно, что страусом она не является. Могучий клюв птицы выщербил бы бетонную плиту. Перья на коротких, совсем не летных крыльях, отразили бы выпад меча, а ударом ноги – главного своего оружия – она легко раздробила бы прочный череп зверя из нижних расщелин.

Охраняющие Канцелярию стражи из Нижнего Тартара шагнули к повозке, когда с места возницы ловко спрыгнул невысокий, гибкий и худощавый молодой человек. В первую минуту могло показаться, что ему лет шестнадцать, и, лишь разглядев его внимательнее, понимаешь, что по земным меркам ему никак не меньше двадцати.

Короткие светлые волосы; нос, сломанный у переносицы, отчего нижняя часть глядела утиным клювом; крепкие, белые, неровно растущие зубы. Вокруг рта – россыпь красных прыщиков. На правой щеке страшный, зарубцевавшийся ожог размером с ладонь.

Бросалось в глаза, что собственная внешность заботит юношу мало. Даже четыре кольцеобразные серьги в правом ухе служили не как украшение, а как колчан для метательных стрелок, некоторые из них были пропитаны парализующим ядом, а некоторые – смертельным. Чтобы дротики случайно не оцарапали кожу – в каждом кольце было небольшое расширение, в которое вставлялся отравленный конец стрелки.

Над левым плечом поднималась рукоять длинного меча. В руке молодой человек держал мешок. Облезлая птица издала призывный скрипучий звук. Юноша оглянулся и подошел к ней. Страус был так велик, что голова хозяина доходила ему только до середины груди. Юноша поднял руку и потрепал птицу по кожистому наросту на нижней челюсти. Страусу это доставило большое удовольствие. Птица застыла и даже опустила на глаза мигательную перепонку, чтобы ничто не отвлекало ее от наслаждения.

Бросив страуса непривязанным, юноша направился к крыльцу Канцелярии. Птица зашагала за ним, волоча повозку. Услышав стук колес по камням, юноша обернулся и сердито цокнул языком, подав рукой знак, понятный только ему и птице:

– Ар! Ждать!

Птица остановилась и стала смотреть на недостроенную башню – двойника Вавилонской, протянувшуюся вверх метров на шестьсот, но так и не завершенную. В нижнем ярусе башни жили тринадцать казненных ведьм, которые видели вещие сны. Лигул любил советоваться с ними, узнавая мнение предшествующих ему владык мрака. Обычно по одному и тому же случаю ведьмы видели сны разного содержания, и тогда Лигул выбирал из снов самый удобный для себя.

Если решение оказывалось для мрака удачным – ведьма получала в подарок бусы. Если ошибочным, Лигул заявлял, что ведьма утаила истинное мнение предшествующего владыки, наврала что-то свое и должна отправиться в

Нижний Тартар, в кипяток.

Пузырились кислотные лужи. С болота дул затхлый ветерок. Мертвые деревья тянули черные ветви к слепому небу. На виселицах, не убранных со времени Кводнона, болтались скелеты. Они раскачивались и, щелкая зубами, умоляли всех послушать, где зарыт клад. Если кто-то по неопытности соглашался, скелеты осыпались костями и разрывали его в клочья.

Юноша ненадолго остановился у перил, глядя в овраг. В овраге недавно доставленный с Лысой Горы Потрошило доедал Синего Слизня. Юноша терпеливо наблюдал. Внезапно Потрошило дико заорал и схватился за живот: Синий Слизень сам стал пожирать его изнутри. Молодой человек, ожидавший чего-то подобного, удовлетворенно кивнул и толкнул дверь Канцелярии.

Тартарианцы ему не мешали. Они еще прежде наметанным глазом заметили напротив сердца юноши небольшую серебряную руну – знак особого благоволения Лигула.

Сотни младших канцеляристов, сидевших в ряд за длинным, уходящим в бесконечность столом, перестали скрипеть перьями, подняли головы и уставились на мешок в руках у юноши. У крайнего опрокинулась чернильница, кровью залив пергамент. Другому в открытый рот залетела муха, и он проглотил ее ловко и неуловимо, чтобы не дать соседям повода к насмешке. Такого рода казусы, вроде залетевшей в рот мухи, помнятся в Канцелярии, где нет никаких происшествий, очень долго, лет по четыреста.

Юноша шел вдоль стола к видневшемуся в отдалении кабинету Лигула, слыша опережающий его шепот:

– Человек! Живой человек в Тартаре!.. С эйдосом!

И правда, юноша был человеком, невесть как выжившим в царстве огня и холода.

– Куда прешь? Не видишь: совещание! – Не заметив руны, охранник у кабинета вздумал преградить ему дорогу, но выскочивший на шум секретарь что-то торопливо прошуршал ему в ухо.

Тартарианец спохватился и, кривясь улыбкой, распахнул юноше двери. Кабинет Лигула был гораздо меньше, чем его Канцелярия. Серая комнатка с серыми шторками. Вот только, если отодвинуть штору, становилось ясно, что за шторой ничего нет – одни глухие окна, заложенные кирпичом.

У Лигула, и правда, проходило совещание. Начальник Канцелярии помещался во главе стола, съежившийся, горбатенький, с тусклыми глазами, одетый в пыльный балахончик. Его легко было принять за умершего или, на худой конец, погруженного в вековую спячку, если бы длинные, неожиданно тонкие пальцы не бегали как пауки.

Юноша кашлянул, привлекая к себе внимание. Лигул поднял голову и, кивнув ему, как хорошему знакомому, задумчиво поглядел на мешок. Юноша начал было развязывать его, но горбун покачал головой, приказывая подождать.

Бонзы мрака, собравшиеся в кабинете Лигула, уставились на юношу с удивлением ничуть не меньшим, чем рядовые канцеляристы. Разве что удивление они скрывали лучше и не шептали друг другу в заросшие уши: «Живой человек в Тартаре! Откуда он здесь? Почему с мечом?»

И правда, из всех, кто находился в кабинете, только Лигул и его последний секретарь – незаметный, быстрый как тень, отнеслись к появлению юноши без малейшего изумления.

Заслуженные стражи Аттила и Тамерлан сидели на почетных местах, дули щеки, пучили глаза и глубокомысленно помалкивали. Вид у них был такой важный, что они казались мудрецами, однако ни для кого не составляло секрета, что эти два древних мамонта подмахнут все, что угодно, только бы их не перестали приглашать на важные заседания и не лишили ежемесячной выдачи эйдосов.

Страж второго ранга Карл Австрийский окунал в чай сухарики и выкладывал раскисшие кусочки хлеба на салфетку. У него была такая тактика: вначале перемочит все сухарики, а потом уже съест. Если же чего не съест, то с немецкой аккуратностью унесет с собой в тарелочке, просушит и, завернув каждый кусочек в салфеточку, подпишет: «сей хлепп я кушаль (число-год-час) в присутствии Его Мрачности и.о.в.м.н.г.к. Лигула». И.о.в.м.н.г.к. – исполняющего обязанности владыки мрака, начальника главной Канцелярии.

Аида Плаховна Мамзелькина была, как всегда, не трезва и не пьяна, а где-то в промежутке. По дороге она успела хлебнуть медовухи и теперь то и дело вздрагивала головой, борясь со сном. Рыжебородый Барбаросса, сидевший с ней рядом, то и дело толкал старушку локтем, помогая ей проснуться. Мамзелькина благодарно икала и, глядя на Барбароссу слезящимися глазками, называла его «сынок!».

Китайский страж Чан довольно жмурился, отчего казалось, что глаз у него и вовсе нет. Говорили, сегодня он принес Лигулу десять тысяч эйдосов. Просто так, вне норм, как дар уважения. Лигул с каждым разом становился к Чану все благосклоннее. Прочие начальники отделов едва ли не змеями шипели: еще бы, с такими землями, с таким населением и не делать подарков! А ты попробуй-ка выполнить норму в Европе, где все живут по девяносто лет, всякую сделку норовят обсудить с личным юристом, а если все же ухитришься и выцыганишь эйдос – так он еще и в пальцах расползется, подернутый теплым жирком.

Исполосованный шрамами Сын Большого Крокодила доводил Буонапарте: наступал ему под столом на ногу и незаметно обстреливал хлебными шариками. Один шарик уже попал главе французского отдела в нос, другой в щеку. Буонапарте кипел, синея пухлым лицом. Он ощущал свою полную беспомощность. Ну что тут сделаешь? Встать и наябедничать Лигулу, что «вот этот вот хлебом пуляется во время совещания!», никак невозможно. Новозеландский божок ничего не потеряет: он и так известен всем за клоуна. Над Буонапарте же будут потешаться. Тот же Вильгельм Завоеватель, давний его недруг, сразу поднимет брови. Подумать только: грозу мира и кумира сотен литераторов обстреливают хлебными шариками!

Зарубить его? Заманчиво, конечно, но тоже не выход. В кабинете Лигула обнажать мечи нельзя, да и притом Сын Большого Крокодила отлично знает, что дерется Буонапарте посредственно. Глядишь еще, рассечет от плеча до пояса своим зубчатым хвостом и получит его эйдосы, выплатив Канцелярии некую часть в качестве штрафа. Теперь, после гибели Арея, многие рубаки осмелели. Устраивают драки в Тартаре едва ли не ежедневно. Каждому хочется занять освободившийся трон первого клинка мрака.

Лигул, сидевший на председательском месте, ковырял ногтем полировку. Затем, разлепив губы, сказал:

– Я осмелился позвать вас к себе, дорогие друзья, вот по какому поводу. Наш добрый друг Вильгельм хочет поделиться с вами своим планом. Мне кажется, своей последовательной деятельностью, направленной на благо мрака, Вильгельм заслужил ваше благосклонное внимание.

Барбаросса и временно пробудившаяся Плаховна обменялись понимающими взглядами. Лигул, как всегда, предпочитает оставаться в сторонке. Если дело выгорит, это, конечно, будет очередная блестящая победа Лигула. Если же не выгорит – то это станет далеко не первым промахом главы британского отдела, разумеется, всесторонне смягченным мудростью высшего руководства в лице все того же Лигула.

Вильгельм Завоеватель встал и, поблескивая перстнями на изящных пальцах, закрутил тонкие усы.

– Прежде всего я хочу поблагодарить начальника главной Канцелярии за внимание, терпение и ценные замечания, которыми он сопроводил и исправил мой изначально далеко не самый блестящий план. Вне всякого сомнения, все это будет учтено в дальнейшей работе и станет стимулом к ее плодотворному продолжению! – вкрадчиво начал Вильгельм. Казалось, невидимая лиса виляет рыжим хвостом.

Лигул великодушно кивнул и развел ручками, позволяя всем пользоваться своей мудростью. Вильгельм снова закрутил усы.

– Также выражаю признательность всем собравшимся, нашедшим время в своем плотном рабочем графике, чтобы выслушать меня, – продолжал глава британского отдела, с заметной издевкой кланяясь Аттиле и Тамерлану. Оба бонзы сохранили полнейшую невозмутимость.

Вильгельм тонко улыбнулся и полюбовался своими нежными, в блеске брильянтов, пальцами.

– Едва ли надо объяснять, что такое Жуткие Врата. Они также известны как Врата Смерти, Дорога Двух Львов, Двери Хаоса и Затвор Мрака. Кроме того, у Жутких Врат есть отражение, известное как Огненные Врата.

Сын Большого Крокодила со звуком пилы провел зубчатым хвостом по ножке стула:

– Короче! Нечего тут лекции читать!

Новозеландский божок был не прочь вывести из себя Вильгельма, однако это оказалось невозможным. Тот был умнее Буонапарте.

– Я и так краток, друг мой!.. Недавно ко мне обратился один суккуб из русского отдела. Обратился в обход своего прямого начальства, что, конечно, льстит мне, но не льстит отсутствующему здесь Пуфсу. Суккуб утверждает, что направлялся куда-то по долгу службы, когда недалеко от Серебряного Бора обнаружил полупрозрачное, не до конца материальное строение, имевшее вид трансформаторной будки с разрисованными баллончиком воротами. Учитывая, что этот район Москвы известен ему во всех деталях, суккуб удивился и захотел подойти поближе. Но тут его спугнул златокрылый, и мой маленький герой поспешил исчезнуть, чтобы сохранить свою ценную для мрака жизнь. Он вернулся спустя час и убедился, что будка исчезла.

– Мистика! – с издевкой подытожил Сын Большого Крокодила. – Уже можно дрожать? И эта будка, конечно, была преобразившимися Огненными Вратами?

– Совершенно верно. Вы столь же вежливы, сколь и проницательны! – сухо подтвердил Вильгельм.

Сын Большого Крокодила перестал колотить хвостом и замолчал.

– Он не врет? Вы допросили его? – жадно спросил Барбаросса.

– Разумеется. Суккуб не врет. Слишком многим он рискует, и слишком легко проверить, солгал ли он. Если это действительно Огненные Врата – в ближайшее время они появятся в том же месте и останутся там на несколько дней.

Вильгельм быстро взглянул на Лигула. Тот с отрешенным видом постукивал ногтями по столешнице.

– Ну а дальше, если произойдет определенная цепь событий, Огненные Врата откроются, – решительно произнес Вильгельм.

Барбаросса запутался короткопалой кистью в рыжей бороде.

– Вы… п-п-предлагаете… эт-то сделать? – пропыхтел он, обращаясь не столько к Вильгельму, сколько к Лигулу.

Последний раз германский страж заикался от негодования во время битвы под Курском, узнав, что Улита, нарушив договоренность о невмешательстве, вбросила в землянку, где отдыхали высшие немецкие офицеры, связку гранат. Арей же отказался ее наказывать, сказав, что каждая женщина имеет разовое право на каприз.

Горбун сделал укоризненное лицо и пальчиком показал на Вильгельма, подчеркивая, что лично он ничего не предлагает. Все вопросы к автору идеи.

– Ни в коем случае! – сухо ответил Вильгельм. – Это означало бы неминуемую гибель физического мира – а именно оттуда к нам текут эйдосы, – и, боюсь, конец мрака как организованной силы. С хаосом нам не договориться. Это так же лишено смысла, как сжигать амазонские леса, чтобы на их пепелище сварить два-три яйца. Мы должны приоткрыть Огненные Врата ровно настолько, чтобы выпустить с той стороны единственную душу. Разумеется, это будет самый сильный и достойный – тот, кого мрак когда-то лишился, но теперь получит вновь.

Вильгельм сделал эффектную паузу. Бонзы мрака заволновались, гадая, кто этот сильный и достойный.

– Кводнон, и никто другой! – громко закончил Вильгельм Завоеватель.

Если бы он взорвал бомбу, это произвело бы меньший эффект. Барбаросса так резко наклонился вперед, что у стула подломилась ножка. Сын Большого Крокодила оскалил в улыбке четыреста двадцать два треугольных зуба, росших у него в три ряда. Бельвиазер вскочил и начал бегать вокруг стола. Аида Плаховна икнула и поскребла черепушку. Даже старые дубы Аттила и Тамерлан совершили невероятное – проявили признаки жизни.

Затем, опомнившись, бонзы повернулись к Лигулу, проверяя, исходит ли эта мысль от него или от самого Вильгельма. Глава Канцелярии мрака так скромно жался на стульчике, что все сомнения отпали. Красавец демагог Вильгельм Завоеватель – лишь рупор пожелавшего остаться в тени владыки.

В вояках, вроде Сына Большого Крокодила или Барбароссы, имя Кводнона пробудило кровожадный азарт и воспоминания бурно проведенной молодости. Они хоть сейчас готовы были мчаться и рубить. Прочие же бонзы, поднакопившие кое-какие капитальчики, сильно призадумались. Для них многое осталось неясным. Зачем Лигулу освобождать Кводнона? Кводнон не из тех, кто будет сидеть тихо, перебирая бумажки. Ему нужны кровь, отрубленные головы, вздымающаяся земля. Вырвись он, и мрак ждет серьезная встряска.

С другой стороны, Лигул любит работать из тени, как кукольник, дергая скрытые нити. Сделай паука царем и посади его на трон, ему станет неуютно на свету. Он попытается заползти под трон, чтобы оттуда тянуть свои паутинки. С Прасковьей у Лигула не выгорело. Сил Мефодия Буслаева она не получила. Напротив, сама зависла в человеческом мире. Силы Кводнона – главный запас мрака, который обязательно нужно собрать воедино, находятся частью у Прасковьи, частью у Мефодия.

Но все равно что-то не стыковалось, и бонзы мрака, убедившись, что Лигул продолжает ностальгически сидеть на стульчике и никаких объяснений давать не собирается, вновь обратились лицами к Вильгельму.

Тот закрутил пальцем усы и с притворным огорчением продолжал:

– К сожалению, наши расчеты показывают, что любая душа, вырвавшаяся из-за Огненных Врат, не сможет долго находиться в человеческом мире. Однако в Кводноне накопилось столько ненависти, что даже короткого времени будет достаточно, чтобы, отобрав у Мефодия и Прасковьи свои прежние силы, пробить брешь в обороне Эдема.

На лицах бонз появилось облегчение, замаскированное под сожаление. В таком качестве Кводнон всех устраивал. Пришел, увидел, победил, взломал защиту Эдема и с воем удалился за Огненные Врата.

Карл Австрийский, опасливый, как типичный канцелярист, уронил в чай сухарик.

– А Прасковья и Меф отдадут ему силы? – сказал он привыкшим к закулисной возне голосом.

– У нас есть основания полагать, что отдадут, – таинственно и веско заверил его Вильгельм.

Карл Австрийский быстро взглянул на него бесцветными глазками и потрогал сухарик пальцем. Сухарик затонул.

– План смелый. Но сложность в том, что Огненные Врата нельзя приоткрыть чуть-чуть. Слишком могучие силы заключены с противоположной стороны… Только представьте, какое внутри давление… эугхм… Одно крошечное отверстие, и защиту прорвет… Насколько я помню основы, будем говорить, элементарной магии, Огненные Врата был способен открыть лишь уничтоженный Талисман Четырех Стихий… М-дэ…

У китайского стража Чана обнаружились глаза. Это случилось так внезапно, что его соседи испытали испуг.

– Талисман Четырех Стихий не являлся природным артефактом. Он был изготовлен. А все, что было изготовлено однажды, можно повторить. Из ста сорока семи компонентов лично мне известно около ста десяти. Еще о двадцати я примерно догадываюсь. Ну а остальное – дело времени, – сообщил он, и его глаза исчезли.

Вильгельм Завоеватель быстро посмотрел на Лигула. Тот едва заметно кивнул.

– Нет необходимости что-либо изготавливать. К Огненным Вратам есть и другой ключ, – сказал Вильгельм.

– И вам он известен? – прорычал Барбаросса.

– Он известен и вам, милейший. Просто вы никогда не смотрели на него под этим углом. Ключ к Огненным Вратам – Камень Пути. Вставить же его в трещину Огненных Врат должна предавшая валькирия. Сойдет даже и бывшая, – язвительно сообщил Вильгельм.

– М-дэ… Вы думаете? А они захотят? – забубнил Карл Австрийский. – Камень Пути, как и эйдос, нельзя отнять… как бы это выразиться… насильно. Да и валькирии – упрямые ослицы. Хоть сами и не свет, но все эти устаревшие чистоплюйские взгляды на верность, на служение! Признаться, как-то я подослал к ним суккуба на предмет, будем говорить, взаимодействия. Прекрасный был суккуб, гибкая, многосторонняя личность. Не вернулся. Размазали.

Лигул царапнул ногтем полировку. Умный Карл мгновенно замолк и стал вылавливать из чая раскисший хлебушек.

– Аида Плаховна! Вы принимаете заказы, помимо похоронных?.. – негромко окликнул начальник Канцелярии.

Мамзелькина подняла головку.

– Нам нужен Камень Пути, Аида Плаховна! И надо, чтобы валькирия согласилась вставить его в трещину Огненных Врат. Камень Пути сработает как ключ. Врата затянут валькирию. Не знаю, что она увидит внутри и как это скажется на ее психике. Главное, как человек с телом, она рано или поздно будет выброшена в мир, а с ней вместе, надеюсь, наружу прорвется Кводнон.

«Старшой менагер некроотдела» хрустнула пальчиками. Старушке было хорошо известно, что приказы, отданные помимо канцелярской текучки, обычно самые важные.

– Камень Пути – это который у некромага? Бундим работать, – пообещала она, сдвигая куцые бровки.

– Мамзелькина, нас неопределенность не устраивает! Вы даете гарантии? – некстати ввернул Карл Австрийский.

Упорная старушка не удостоила его даже взглядом. Карла она ставила ниже всякого Батыя. Медовухой тот никогда не поил, каждую буковку в ведомости проверял по три раза, заявочки подписывал, отставив мизинчик, и вообще, по мнению старухи, был «фря бамажная».

– Гарантеи, милай, на телевизер дають!.. Ты, голубок, крылышками-то не трепыхай! Истрепыхаисся! Бабушка твоя Мамзелькина! А я Аида Плаховна! – сердито произнесла она.

Карл Австрийский поспешно стал крошить хлебушек. Затевать ссору с «менагером некроотдела» было опасно. Бабка была на язык сердита и на косу остра.

– Все же как вы это сделаете, Аида Плаховна? – спросил он капитулирующим голосом.

Сухонькое лицо Мамзелькиной стало крайне ехидным.

– Дык уж делаю! Почитай, с самой весны на гармошке играю! Как чуяла, что пригодится!

Карл Австрийский заморгал. Его посетила мысль, что старушка тронулась на своей нервной работе.

– Как-как? При чем тут, будем говорить, гармошка?

– Аида Плаховна имела в виду гормоны. Игру крови, столь объяснимую в молодом теле, – лениво пояснил умный китайский страж Чан. Глаз он на этот раз даже и не открывал.

– Верно, милок! – одобрила Плаховна. – Валькирия-одиночка, может, разумом и понимает, что если справится, то и некромага своего вытянет, и ее эйдос просияет. Ярче луны, как солнце! А Багров-то ейный точно этого не чует. А если чует, то не верит. А если и верит, то не хочет ждать. А если и желает ждать, то не может терпеть… Вот я на гармошке-то и играю! Коли один потонет, то и другая с ним.

Карлуша Австрийский счел объяснение удовлетворительным, но не успокоился. Его обычная педантичность проросла любопытством в другом направлении.

– А какая судьба ждет силы Мефодия и Прасковьи, когда Кводнон, будем говорить, удалится за Огненные Врата? Он заберет их с собой? – спросил он

незаинтересованным голосом.

– Невозможно! Силы принадлежат этому миру. Кводнону придется их вернуть, но вот кому он их вернет – вопрос открытый. Сомневаюсь, что Прасковье или Мефу. Ему придется найти кого-то другого. Не стража, а человека, потому что прежде силы были у человека. Желательно родившегося в тот же самый день, что и бывший наследник мрака. Не думаю также, что это будут Ната, Чимоданов или Мошкин.

Озвучив это, Вильгельм быстро взглянул на Лигула, передавая ему эстафету. Его сольная партия была закончена.

Тусклые зрачки главы мрака отправились в долгое путешествие по серой комнате и в финале остановились на мешке в руках у молодого человека. Тот по-прежнему стоял у дверей, переминаясь с ноги на ногу, и, не проявляя особенной робости в присутствии бонз, поглядывал по сторонам.

Его подвижное лицо никак не могло остановиться, откликаясь на все, что встречали его глаза.

– Викто?р! Подойди ближе, мальчик мой! – приветливо окликнул Лигул.

Юноша расслабленно приблизился к столу и положил на него мешок. То, что ему пришлось задеть мешком Тамерлана, ничуть его не смутило.

– Позвольте представить вам Виктора Шилова, родившегося в тот самый день! Как видите, Прасковья не единственный человек, выросший в Тартаре и сохранивший эйдос. Но о Прасковье вы все знали. С Викто?ром же случай особенный, – прошуршал глава мрака.

– Нижний Тартар меня побери! – изумленно воскликнул Бельвиазер.

Лигул заложил руки за спину. Паучьи пальцы зашевелились, точно он взвешивал, какую часть правды можно сказать. Потом глава мрака решился и быстро начертил руну. Похожая на неприятное насекомое руна быстро проползла по воздуху и, разделившись надвое, втекла в уши Виктора, лишив его слуха. Проверять действие руны Лигул не стал. Надежность древней магии была

ему хорошо известна.

Молодой человек отнесся к лишению слуха, даже не дрогнув ртом. Он не боялся ни глухоты, ни слепоты, ни боли. Жизнь в Тартаре многому его научила.

Глава Канцелярии лизнул ноготь большого пальца. Голос Лигула не всегда бывал скрипуч. Порой он говорил быстро, возбужденно, брызгая слюной, как говорят увлекающиеся чиновники, просчитавшие все наперед и знающие ответ прежде, чем задан вопрос.

– Посмотрите на него! Всмотритесь в это лицо, в эту мимику! – сказал Лигул с умилением. – Ну разве не прелесть? Он презирает и передразнивает всех нас разом и каждого по отдельности. И нас, и Тартар, и свет, и человеческий мир. И даже то, чего он не может знать, он презирает наперед.

Карл Австрийский по-старушечьи допил чай и слизнул с губ влажную каплю.

– Что-то я не пойму, куда вы клоните! Он верен мраку или нет? Откуда этот парень вообще взялся в Тартаре?

– Любопытная история, – Лигул оттолкнул от себя пальцем закапанное кровью перо. – В одном городе жили два мальчика. Одному шесть лет, другому – три или четыре. Просто соседи по подъезду, но так умилительно дружили, что младшего всегда отпускали со старшим. Идут, за ручки держатся – такие гномики! Мамы капали слезами! Только строго-настрого велели, чтобы старший не водил младшего через дорогу, к недостроенным корпусам больницы. Но они все равно тайком ходили, и младший никогда не выдавал старшего. Верность идеалам дружбы, хи-хи. И вот однажды они забрели в самый конец стройки и решили забраться в подвал. Это была, конечно, идея старшего. Он стоял снаружи и проталкивал младшего ногами в окно. «Прыгай!» – и разжал руки. Он думал, там низко, ну полметра от силы. «Казалось – оказалось» – вечный ключ к прозе жизни.

– Погиб? – понимающе отозвался китайский страж Чан.

Лигул ухмыльнулся.

– Не совсем! Как раз под окном недоставало плиты. Малыш провалился метра на три, в незаделанную щель. Было слышно, как он плачет где-то внизу и жалуется, что у него ножка не туда повернулась. Занятная формулировочка, э?

– Старший позвал кого-то?

– Как бы не так. Он испугался, что его накажут, убежал и потом клялся, что они не ходили на стройку. Поэтому малыша там и не искали, хотя перерыли весь город. Старший все это время продрожал у себя в комнате. Считали, что он переживает о пропавшем друге, хотя на самом деле маленький висельник был убежден, что его посадят в тюрьму, если узнают, что это он сбросил малыша в дыру… А через несколько дней я забрал старшего в Тартар, потому что обнаружилось, что он еще и родился в один день с Мефом… А второго мальчика, того, что застрял в фундаменте, принесла Аида Плаховна. Живым! До сих пор не пойму: коса у вас, что ли, не поднялась?

– Его не было в разнарядке! – поджав губы, заявила Мамзелькина.

Буонапарте дернул верхнюю пуговицу своего знаменитого сюртучка:

– А куда делся маленький, которого доставила Аида Плаховна?

– Не имеет значения. Он служит мраку, и этого довольно, – поспешно сказал Лигул.

Возникла неловкая пауза, которую сгладил очень уместной глупостью Карл Австрийский.

– Странно, что Троил не заявил протест! Детки – цветы, будем говорить, жизни!

– Я тоже с волнением ожидал протеста, – признал Лигул. – Но так и не дождался. Свет порой непредсказуем. Допускают же они войны, чуму, голод, тиф, сибирскую язву? Возможно, они решили, что, если старший имеет тягу к мраку, будет полезно показать ему самое «дно», чтобы он от него оттолкнулся и попытался всплыть? Ну я и показал ему «дно»! Вот только меньшого они нам зачем отдали – вот чего я не пойму!

Горбун хихикнул, показав съеденные зубки. Бонзы мрака слушали Лигула вежливо. Многие помнили, что толкать речи он любил еще в Эдеме, равно как и раздавать значочки: «Долой слепое послушание! Будем добрее добра!»

Бельвиазер скосил глаза на молодого человека, который не мог слышать ни слова из их разговора. Юноша стоял и с интересом разглядывал короткий кинжал для дархов на поясе у Лигула. Поскольку сам глава Канцелярии в дуэлях не участвовал и дархов не срезал, некоторые смельчаки шутили, что кинжал нужен ему, чтобы точить карандашики.

– Прасковья, разумеется, с ним знакома не была. Для нее вчерашний шоколад был несвежим, его же я держал в крайне тяжелых условиях. Начиная с десяти лет за дохлую кошку на обед ему приходилось драться на мечах с тартарианцем. Ну, не считая самых больших праздников, когда он получал ее даром: день конституции Тартара, день независимости Тартара, день самоопределения Тартара и день отделения от Эдема. В остальное время ему приходилось питаться тем, что он добудет сам. Ну а добыть здесь что-либо сложно. Сами знаете поговорку: червяк из Тартара загрызет земную лошадь.

– И где же вы его прятали? – спросил Чан.

Лигул тонко улыбнулся. Ему нравилось удивлять тех, кого, как начальника китайского отдела, удивить было непросто.

– В Большой Пустыне. Виктор жил там последние десять лет.

Слова Лигула прозвучали как резкий удар колокола. Китайский страж Чан на мгновение широко приоткрыл глаза, и вновь они исчезли. Сын Большого Крокодила щелкнул пальцами мимо хлебного шарика, который собирался послать в Буонапарте. Карл Австрийский издал звук, средний между «мню» и «м-дэ».

– Ну хватит секретничать! – Палец Лигула скользнул по столу. Отменяющая глухоту руна медленно проплыла по воздуху к ушам юноши.

Большой Пустыней называлась обширная равнина в южной части Среднего Тартара. В целом пригодная для жизни, не слишком жаркая днем и не настолько холодная, чтобы от холода трескались кости, она не была населена из-за частых

песчаных бурь и жутких тварей, выползавших ночами из многочисленных сквозных расщелин, ведущих в Нижний Тартар. Твари отличались и размерами, и привычками, и аппетитами, и теми методами, которыми они лишали жизни. Их роднило только одно – все они убивали.

Барбаросса недоверчиво цокнул языком.

– В Большой Пустыне? Человек?.. – прорычал он, дергая себя за бороду. – В ней даже стражу не выжить! Недавно я там охотился. За день я потерял пять загонщиков. Все были растерзаны. Одну тварь я видел впервые. Ее не брали ни мечи, ни копья. Я лично всадил ей в глаз четыре стрелы: не пробил даже роговой оболочки.

– Скорее всего, это был эхилот. Поразить его можно только в барабанную перепонку. Она находится сразу над огненным каналом, чуть ниже ядовитого жвала. Чешуя там не такая прочная. Я порой убиваю парочку, – сказал Виктор Шилов.

Барбаросса побагровел.

– Ты нагло лжешь! Ты хоть представляешь: где голова этого монстра?

– Ну да. Высоко. Чтобы она опустилась, надо прежде подрезать жилы на лапах.

– Что, на всех восьми? – рявкнул рыжебородый. Стражи мрака ненавидят, когда их поучают. Особенно там, где сами они потерпели неудачу.

– На восьми? Тогда это действительно был эхилот. Нет, зачем на восьми? Достаточно и на первых двух. Увы, хоть эхилоты и огромны, проку от них мало. Их мясо ядовито, не считая уздечки под языком. Она порой бывает ничего, если прокоптить ее до полного уничтожения вкуса, – свободно отозвался юноша.

Все бонзы заметили, что, когда он смотрел на Барбароссу, его лицо и все движения пародировали дубоватого германского стража, но так тонко, что это видели абсолютно все, кроме самого рыжебородого.

Только под конец, когда молодой человек так же, как и Барбаросса, вскинул к щекам полусжатые кулаки и выпучил глаза, передразнивание стало очевидным и для самого начальника германского отдела.

– Щенок! На улице я бы тебя зарубил! – срываясь со стула, прорычал Барбаросса.

Юноша вздохнул, точно сожалея, что ему приходится разговаривать с таким глупцом.

– Все может быть. Но прежде я накормил бы вас вашей бородой.

От гнева щеки у Барбароссы стали такими пунцовыми, что даже великолепная борода померкла. Казалось, еще немного, и он бросится на юношу с кулаками.

Длинные ногти Лигула царапнули полировку.

– Хватит! – с досадой приказал он. – Никаких ссор! Виктор, ты принес, что я просил?

Виктор посмотрел на Лигула и неуловимо сделался похожим на начальника темной Канцелярии. Мамзелькина хрюкнула от смеха и притворилась, что чихнула.

– Да.

– Почему так долго?

– Быстрее не получилось.

Юноша поднял левую руку, и все увидели, что она обмотана окровавленной тряпкой. Лигул не то нервно хмыкнул, не то выдохнул в ноздри:

– Дай взглянуть!.. Нет, не руку, мешок…

Под холстом угадывалось нечто похожее на кочаны капусты. Распутав горловину, Лигул взял мешок за края и, перевернув, отступил на шаг. На стол

выкатились три головы. Лигул присел и, оказавшись вровень со столом, бережно поставил каждую на срез шеи, развернув лица к зрителям.

Прислоненная к стене коса Мамзелькиной упала сама собой. Дрожа ртом, глава Канцелярии цепко обвел всех маленькими глазками.

– Надо полагать, представлять никого не надо? Первый, Гондир… – Лигул коснулся бледного лица с выпуклыми веками и мефистофельской бородкой, – двенадцатый меч мрака. Второй – Шимелус – шестой меч мрака. – Лигул двумя пальцами развернул к себе выбритую толстощекую голову с единственным пучком волос на затылке. – И третий, Бурф… четвертый меч мрака. Бедняга Бурф! Как тебе досталось!

Лигул не удержался и поцеловал маленькую, как у ребенка, голову с запавшими щеками и выжженными тартарианским жаром ресницами. На лбу, чуть выше левого глаза, был узкий след от укола.

– Это все ОН? Мальчишка? – недоверчиво прорычал Сын Большого Крокодила.

Ответа он не получил. Со стороны Канцелярии послышался шум. Кто-то закричал. Захлопали двери. Лигул нетерпеливо поморщился.

– В чем дело? Узнай! – велел он секретарю.

Услужливая тень исчезла и сразу вернулась.

– Там эта птица в повозке! Никого не впускает в Канцелярию и не выпускает! Выклевала глаз Диляду. Кустосу просадила клювом череп! Из лука ее перьев не пробьешь, мы уже послали за арбалетами.

Виктор снес секретаря с ног и рванулся в коридор. Какой-то замешкавшийся страж врезался в стену. Похоже, не все канцеляристы поняли, что означает: уступить дорогу.

– Милая птичка! – откликнулся Лигул. – Мне докладывали: мальчишка нашел в расщелине яйцо. Скорлупа была прочной, как алмаз. Не знаю уж как, но он его отогрел и выходил птенца. Меня всегда удивляло свойство людей выбрать

какую-нибудь дрянь и привязаться к ней. Отбери у них вообще все, они подберут кривую щепку и будут с ней разговаривать. Даже здесь, в Тартаре. Первое, чем вылупившийся птенец его отблагодарил: отмахнул крайние фаланги на двух пальцах левой руки.

– Птенец из расщелины Большой Пустыни? – жадно спросил Барбаросса.

– Разумеется. Думаю, из неосвоенных глубин.

Начальник германского отдела издал неопределенный звук. Только стражи мрака знают, что Тартар до сих пор не исследован, да и не может быть исследован. То, что принято называть Нижним Тартаром, на самом деле крайняя граница освоенного, дальше которой неизвестность. Изредка из расщелин, где не выживет ни один страж, поднимаются странные существа, по которым можно судить, что и там, за границей познанного, есть жизнь.

Зубчатый хвост взвился выше головы и страшным ударом расплющил стул. Сын Большого Крокодила никогда не умел скрывать эмоций.

– В Нижний Тартар птицу! Как-то я дрался с Бурфом! Четыре шрама на моей морде – память того дня!.. Ушам своим не верю! Двадцатилетний мальчишка ухлопал трех стражей! Человек! Как он сумел за жалких полтора десятка получить опыт, который Бурф, Гондир и Шимелус приобретали несколько тысячелетий? Нет, не верю!

Лигул продолжал умиленно любоваться отрубленными головами. Со стороны на него противно было смотреть. Нижняя губа отвисла, глаза остекленели. Глава мрака походил на вурдалака.

– Смотри на вещи шире! Лучше вспомни Прасковью! Многие ли стражи могут устоять на ногах, когда она смеется или плачет?..

– Прасковья – это другое. Она же не бьется на мечах, – возразил Сын Большого Крокодила.

– При чем тут мечи? – вкрадчиво спросил Лигул. – Ты давно не поднимался в верхний мир. Там быстрее учатся, но быстрее и умирают. Троил, вынужден

признать, кто угодно, но не дилетант. Он знает: чем тяжелее телу, чем больше оно голодает, страдает, тем лучше для эйдоса. В крайних же обстоятельствах эйдос удесятеряет человеческие силы. Условия же Большой Пустыни можно назвать очень крайними.

– Синдром Золушки. Кем бы она была, если бы мачеха не превратила ее жизнь в ад? Заевшейся, недовольной жизнью коровой, – прошамкала себе под нос Аидушка Мамзелькина.

Сын Большого Крокодила недоверчиво хмыкнул.

– Кроме того, есть и другое объяснение хорошему владению клинком, – продолжал Лигул. – Мой отдел улучшений отыскал способ передавать накопленные умения. Правда, это требует чудовищных затрат энергии эйдосов, но в отдельных случаях можно пойти на любые траты. Мне всегда было досадно, что бесценный опыт уходит в песок. Вот живет старый таксист – хорошо знает город, до последнего двора, и раз – уходит! Уносит все с собой! Нет чтобы оставить, поделиться. И ученый, и художник, и правитель – секунда, остановка сердца, и все где-то там далеко!.. Унесли копилочку! А ведь многие высоты достигаются лишь однажды: Пушкин, Эйнштейн, Шекспир, сапожник Пяткин из Самары…

Глава мрака сокрушенно зацокал языком.

– Опыт можно было передать и раньше, – осторожно напомнил Бельвиазер.

– Разумеется. Через подселение личности. А подселенная личность часто оказывалась сильнее основной, что приводило к шизофрении. Сейчас же передается только опыт, безо всяких закидонов, – пояснил Лигул.

– И чей опыт вы передали Виктору? Надеюсь, не Арея?

– О нет. Арей тогда был еще жив. Кроме того, Арей – рубака. Он бесценен в открытом бою, когда надо просто идти и резать, но маскировка, хитрость, неуловимость, навыки шпионажа – всем этим он не обладал и не пытался обладать… Я передал мальчику опыт второго меча мрака.

Сын Большого Крокодила привстал:

– Хоорса?

– Ну да! – признал Лигул как нечто само собой разумеющееся. – Хоорс есть Хоорс. Хотя Арей и зарубил его когда-то, во многом это дело случая… И как мы видим, Хоорс кое-чего стоит до сих пор. Конечно, дело не только в Хоорсе. Многое мальчишка приобрел сам. Кроме того, опыт Хоорса не смог бы войти полностью и остаться надолго, не обладай эйдос Виктора начальной силой и чудовищной волей.

Глава Канцелярии с торжеством взглянул на отрубленные головы.

– Надеюсь, он убил хотя бы не всех сразу? – прорычал Барбаросса.

– Увы, нет. Гондир был зарублен дней пять назад. Шимелус – три дня назад. Бурф – сегодня на рассвете.

– Дуэли запрещены, – зачем-то напомнил Карл Австрийский.

– Да, друг мой! – пряча улыбку, вздохнул Лигул. – Дуэли якобы запрещены (хотя вы все равно деретесь), но в данном случае Виктор выполнял мой приказ. Завтра я отправляю его в человеческий мир, и мне хотелось узнать, чего он стоит. Он знает наши правила: Тартар может покинуть только достойный, и это право надо заслужить.

Сын Большого Крокодила щелкнул мощными челюстями.

– А если бы кто-то из троих… – медленно начал он.

– Оказался сильнее Виктора? – угадал Лигул. – Что ж, я признал бы, что ошибся и Большая Пустыня не принесла результатов. Меня печалит другое. Эти достойные бойцы могли погибнуть в битве со светом и многих утащить с собой. Но, увы, сам факт того, что они погибли, доказывает, что они не были лучшими. Кроме того, все трое втайне сочувствовали Арею. Один добропорядочный страж целый год записывал для меня их разговоры!

– Треть эйдосов переходит стукачу, – прошамкала бесстрашная Мамзелькина, знавшая, что ее некем заменить.

– Информатору, Аида Плаховна! – сухо поправил Лигул, поворачивая голову в сторону открывшейся двери. Вернувшийся Виктор Шилов неподвижно замер справа от стола.

– Успокоил птичку? – спросил Лигул.

Юноша кивнул и снова застыл. Глава мрака прислушался. В Канцелярии все было тихо.

– Забыл спросить. Хорошо, Аида Плаховна напомнила. Что там с дархами Шимелуса, Гондира и Бурфа? – озабоченно продолжал Лигул.

Молодой человек сунул руку в кожаную сумку и небрежно бросил на стол три сосульки. Дархи, сплетенные в смертельной схватке, безостановочно жалили друг друга острыми окончаниями. Бонзы разом склонились к столу. У двенадцатого, шестого и четвертого мечей мрака по определению не могло оказаться плохих коллекций.

– Ты их даже не разбил!.. А ведь могли и уползти! – зацокал языком Лигул.

– Один мог. Два или три нет. Все равно сцепятся, – со знанием дела сказал юноша.

Нетерпеливый Бельвиазер вскочил с места и, попросив разрешения у Лигула, кинжалом для дархов умело разделал все три сосульки, ссыпав эйдосы горкой. При этом собственный его дарх едва не придушил хозяина цепью, не желая смиряться с тем, что ему ничего не светит.

– Люблю этот момент, – хищно раздувая ноздри, сказал Бельвиазер и отвернулся, чтобы не терзать себя, глядя на эйдосы, которые достанутся другому.

Лигул ловко ссыпал грустно переливающиеся песчинки в контейнер. Вильгельм услужливо потянулся к крупному, отдельно лежащему эйдосу, сияющему, как

далекая звезда, но Лигул вежливо отвел его руку.

– Я сам. Мне полезно двигаться… А доносителю на этот раз хватит и пятой части. Уж больно эйдосы хороши. А то дай ему треть – завтра он на каждого из вас накатает, – сказал глава мрака с быстрой обезьяньей ужимкой, на которую лицо молодого человека невольно отозвалось передразнивающей гримасой. От этих слов всем бонзам стало не по себе.

Лигул небрежно смахнул со стола осколки дархов. Контейнер с эйдосами он держал под мышкой, притворяясь, что не замечает, как тянется к ним его собственный дарх – предмет тайных вожделений всего Тартара по заключенным в нем богатствам. Когда же стало очевидным, что не заметить этого нельзя, глава мрака перекинул цепь с дархом за спину.

– Думаю, на сегодня мы уже все обсудили! – с улыбочкой сказал Лигул. – Конкретные распоряжения начальники отделов получат в ближайшее время. Аида Плаховна занимается валькирией и некромагом. Виктор Шилов отправляется в человеческий мир… – глава мрака помедлил, получая удовольствие от скрытого нетерпения, с которым слушал его юноша, – завтра вечером! – договорил Лигул и сделал шаг к двери, показывая, что никого не задерживает.

Юноша с внешним равнодушием кивнул, однако от бонз мрака и тем более от Лигула невозможно было спрятать, как он рад. Вырваться из Тартара! Из Большой Пустыни! Увидеть солнце! Ощутить, что ветер может быть не только затхлым, горизонт не только серо-свинцовым и сдавленным, а сероводородная вода из Гниющих Болот, возможно, не самая вкусная вода в мире.

Лигул искоса взглянул на юношу своими птичьими глазками.

– Ах да! – воскликнул он, ударив себя по лбу, будто о чем-то забыл. – Виктор!

Молодой человек тревожно остановился.

– Виктор, твоя большая птица меня тревожит. Ты оставляешь нас, поднимаешься в человеческий мир. Что ж, не смею тебя задерживать! Большому кораблю – большое плавание. Но что будет с ней?

– Как что? Я возьму Ара с собой.

Глава мрака сокрушенно покачал головой:

– Ай-ай-ай! Этого я и опасался. С собой его взять никак нельзя. Там человеческий мир.

Виктор Шилов погрустнел.

– Я боялся, что вы так скажете. Хорошо! Я отведу Ара в Большую Пустыню и отпущу на свободу. Если выехать прямо сейчас – я еще успею.

Лигул печально цокнул языком.

– Нет, Виктор. Это нехорошо! Экзюпери, которого так любят цитировать наши враги, говорит: мы ответственны за тех, кого приручили. Неправильно отводить птицу в Большую Пустыню. Ей там будет одиноко.

Шилов внимательно посмотрел на своего собеседника. Чувствовалось: он пытается понять, куда клонит глава мрака.

– Ар привыкнет. Он отлично умеет охотиться. Он добывал пищу себе и мне, – быстро сказал Виктор.

Лигул опять цокнул языком. На сей раз звук вышел совсем противным, точно он сосал дырку в зубе.

– Возможно. Но вдруг твоя птица на кого-то нападет?

– И что? Я открою вам секрет! Все обитатели Большой Пустыни нападают на любого, кого увидят!

– Нет, Виктор, – еще печальнее сказал Лигул. – В Большую Пустыню отпускать мы ее не будем. Боюсь, выход один.

– Какой?

– Самый очевидный. Тебе придется убить твоего Ара.

Юноша вздрогнул. Такого он не ожидал.

– Убить Ара? Вы серьезно? – недоверчиво переспросил он.

– Да, Виктор. Не думаю, что это будет трудно. Тебя птица знает и подпустит близко.

– А если я откажусь?

– Откажешься – возвращаешься в Большую Пустыню. В холод, в жару, в забвение. Без возможности когда-либо ее покинуть.

– А человеческий мир?

– Если ты не убьешь птицу? Никакого человеческого мира! Мне не нужны ослушники. Смерть птицы – мое условие и твой проездной билет! – жестко отрезал глава мрака.

Шепот смолк. Бонзы мрака ждали, переводя глаза с Лигула на юношу и обратно. Им, как никому другому, было известно, что этот момент ключевой. Знали они и то, почему он ключевой. Переступить достаточно один раз. Путь назад, если и возможен, только через огромную боль.

Юноша взвешивал, холодея от тоски. На одной чаше весов были все его тайные надежды, которые он лелеял четырнадцать долгих лет, но особенно сильно, конечно, в последние годы, когда Лигул, не объясняя зачем, вместе с очередной дохлой кошкой (кажется, в праздник самоопределения Тартара) прислал ему большую стопку журналов из человеческого мира. Это были глянцевые журналы из тех, что лежат на столиках в парикмахерских и у зубных врачей, очень обтрепанные, не исключено, что из парикмахерской и взятые.

Для Виктора, умевшего только выживать, убивать и маскироваться, это стало окном в новый мир. При сером и вечно размытом освещении Среднего Тартара он приникал к этим журналам. Жадно вглядывался в яхты, пальмы, спортивные машины, в каждое холеное женское лицо, в каждого преуспевающего

бизнесмена, казавшегося ему невероятно дряблым и беспомощным, сколько бы охраны его ни окружало. Он бы прикончил таких и сотню, даже если бы его выпустили на них с голыми руками, а им, напротив, раздали бы всем секиры, мечи и топоры.

Виктору с его простыми, Большой Пустыней сформированными понятиями казалось, что человеческий мир – легкая добыча. Только бы его туда отпустили! Конечно, он легко сумеет перебить этих ожирелых воинов, забрать их еду, женщин и роскошные дома. Получить их безделушки и скоростные повозки, которые были явно лучше той громыхающей колесницы, которую он смастерил своими руками. Еще бы: ради каждой сохранной деревяшки или целого гвоздя ему приходилось прорывать многометровый котлован!

На другой же чаше весов была ЕГО ПТИЦА, у которой хватило глупости к нему привязаться. Иногда Виктор спрашивал себя «почему?» и понимал, что причина, возможно, крылась в том, что он единственный во всей Большой Пустыне иногда ласкал ее, жалел и не пытался убить. И птица платила ему за это тем единственным, чем могла – своей жизнью.

А хуже всего было то, что Виктор чувствовал, что его внутренний выбор уже совершился.

За спиной у Лигула как-то незаметно выросли четыре молчаливых стража его личной охраны – из тех, чью верность глава мрака щедро оплачивал отборными эйдосами. У двух первых были короткие мечи, у задних – метательные копья. Виктор смотрел на синеватые наконечники. Смерти он не боялся, но Большая Пустыня хуже смерти. Смерть – неприятное мгновение, иногда, правда, затянутое, но все равно конечное, Большая же Пустыня – пустая и страшная вечность.

– Я не расслышал ответа! – напомнил Лигул незаинтересованным голосом.

– Да, – выдавил Виктор глухо.

– Что «да»?

– Согласен.

– На что согласен? Говори полным предложением! – усиливая унижение, потребовал Лигул.

– Я… убью свою птицу.

Лигул ничем не выдал радости, лишь дрогнул крыльями носа, однако бонзы безошибочно ощутили: глава канцелярии до крайности доволен. Та неназванная сила, что стоит за светом, не дремлет и в Тартаре, складывая из поступков, как заметных, так и малозаметных, дальнейшую судьбу эйдоса в вечности.

Виктор Шилов выскочил первым, чтобы оказаться у своей птицы прежде, чем из канцелярии начнут выходить начальники отделов. За Виктором потянулись бонзы мрака.

Бельвиазер приотстал, чтобы шепнуть Мамзелькиной:

– Парню ничего не известно о законах мироздания! Откажись он – мы уничтожили бы его тело, но никогда не смогли бы оставить в Тартаре его душу!

– И, мила-ай! Ты словами-то не части! Не знаешь ты Лигула! Ты на ход вперед все видишь – он на три… – так же шепотом отвечала старушка. – Бойца-то какого вырастил! Да еще человека! Да еще с эйдосом! Умение ему дал Хоорса, а характер выковал в Большой Пустыне! Такие фигуры на доске раз в сто лет появляются! Теперь главное – его к себе привязать, чтобы не рыпнулся!

Бельвиазер вопросительно вскинул брови:

– Разве так привязывают? Парень-то птицу убьет, но Лигула возненавидит!

Мамзелькина хихикнула, двумя пальцами натягивая верхнюю губу, чтобы скрыть отсутствие передних зубов.

– И пущай ненавидит! Главное, чтобы переступил. Переступит – отрежет себя от помощи света. А без нее все одно наш, хоть исплюйся… Думаешь, полицаи, которых из пленных вербовали, очень Гитлера своего усатого любили? Попадись он им ночью и без охраны – живым бы закопали. Да только нахлещутся водки – деревни жгут. Женщин на штыки, а младенцев в колодцы. Таскаешься,

бывалоча, за ними – плохую работу докашиваешь. Самой противно!

* * *

Бонзы мрака разглядывали огромную птицу, впряженную в повозку. Виктор, успокаивая, обнимал ее за шею, поглаживая нарост под клювом. Их окружала толпа, состоявшая в основном из любопытных канцеляристов. Некоторые для пущей воинственности ощетинились найденными в чулане алебардами, валявшимися без дела со времен последней войны с Эдемом.

Один из горе-вояк уже лежал под деревом с забинтованной головой и ругался на санскрите, вставляя отдельные персидские выражения.

Виктор ни разу не взглянул ни на него, ни на бонз. Он взял страуса за нарост внизу клюва и принялся тереть его двумя руками – сильнее, чем прежде. Он знал, чего добивается. Мощные ноги громадной птицы расслабились от удовольствия. Она легла и, вытянув шею, закрыла глаза. Левой рукой продолжая придерживать нарост, правой Виктор достал четырехгранный кинжал – узкий, похожий скорее на длинный кованый гвоздь. Несколько секунд он смотрел на него, набираясь решимости, а потом, намечая, коснулся кинжалом маленькой, едва заметной впадины в массивных костях черепа, на два пальца выше линии глаз.

Страус, потревоженный неприятным прикосновением, начал открывать глаза, но тут, отпустив нарост, Виктор с силой ударил основанием левой ладони по плоскому навершию кинжала, на всю длину узкого клинка вогнав его в мозг птицы.

Страус вскочил, высоко подпрыгнул, а потом упал на бок, и шея его выгнулась, коснувшись хвоста. Ноги продолжали бежать, но, так как страус лежал на земле, получалось, что он вертится на одном месте вокруг закинутой назад головы. Наконец он затих, и только правая нога продолжала вздрагивать.

Оставив кинжал торчать в голове у птицы, Шилов поднялся и, глядя перед собой, двинулся на толпу канцеляристов. Ладонь он держал на рукояти меча. Канцеляристы торопливо раздвинулись.

Буонапарте с пингвиньей застенчивостью подошел к Барбароссе и шепнул ему на ухо:

– Прекрасный момент для вызова! Здесь-то не запрещено обнажать клинки! Пора ему познакомиться с германской мощью и отвагой!

Барбаросса, пылая рыжей бородой, воинственно заступил юноше путь. Виктор поднял остановившееся, больше никого не передразнивающее лицо. И – Барбаросса шагнул в сторону, уступая дорогу. Все это заняло не больше двух секунд и было замечено только теми немногими, кто стоял совсем близко.

Виктор миновал его и, не оглядываясь, скрылся за серыми стенами низких строений. Барбаросса, смущенный своим внезапным малодушием, мнительно всмотрелся в подчеркнуто незаинтересованное лицо Буонапарте.

– Я не боюсь щенка!.. Надо будет: изрублю в капусту! Но я-то дархом рискую, а он чем? Шкурой своей жалкой? Единственным тусклым эйдосом!

– Один эйдос – тоже немало! – осторожно заметил Буонапарте.

– Для меня – мало! – отрезал Барбаросса, оставляя в покое меч. – Желаю здравствовать!

– Струсил, – одними губами прошептал Бельвиазер, обменявшись понимающим взглядом с Мамзелькиной.

Бонзы мрака, имеющие допуск в верхний мир, без сердечности попрощались и отбыли каждый в свой отдел. Канцеляристы втянулись в недра пыльной Канцелярии. Заскрипели перья. Закапали чернила. Зрелища закончились, теперь нужно было зарабатывать на масло к хлебу.

У редко обновляемого деревянного щита с новостями Тартара остались Бельвиазер, Мамзелькина и Сын Большого Крокодила. Да еще китайский страж Чан отчего-то припозднился и распутывал многочисленные узелки своего пояса, на котором у него висели всякие мешочки, коробочки, кошелечки.

– Новый наследник – это, конечно, что-то с чем-то. У него глаза человека, который не расстается с оружием даже во сне. Но почему именно Шимелус, Бурф и Гондир? Шестой, четвертый и двенадцатый мечи? – озабоченно спросил Бельвиазер.

Сын Большого Крокодила оглянулся на щит, на котором висела репродукция парадного портрета Лигула с алой лентой через плечо. Все рубаки знали, что на портрете Лигул, чтобы казаться выше, стоит на спрятанной за столом (и тоже, разумеется, нарисованной) скамеечке.

– Они сочувствовали Арею… негодяю и предате-ЛЮ! И это стало предупреждением другим негодяям и предате-ЛЯМ! – гаркнул Сын Большого Крокодила в ухо портрету.

Глава Канцелярии от неожиданности провалился в недра картины. Сын Большого Крокодила знал, что делает. На репродукции не ставят сильной магии. Портрет может донести только в случае прямой крамолы. На иронию же магия не срабатывает. И на вопли в ухо тоже.

– Многие рубаки сочувствовали Арею. Все же, я думаю, дело в другом, – уже серьезно сказал Бельвиазер.

– И в чем же?

– Все трое были очень разные. Гондир силен как бык. Ударом меча рассекал наковальню. Бурф не богатырь, но вечно что-то комбинировал, точно паутину плел. А Шимелус – старый ученик Арея с той же тактикой, что и Мефодий Буслаев… Нашему владыке важно, чтобы Мефодия убил именно человек. Сюрпризов он больше не желает – оттого и проверка. Разумеется, и в Нижнем Тартаре есть хорошие бойцы, но человек, убивший человека, – это символично.

– Буслаев… Ох, голубо-о-к! Недаром Лигул Хоорса подселил. Хоорс и Арей – вечные враги. Личность-то, может, и не наследуется, только навык, да как бы вражда не перешла. Как Хоорс Арея ненавидел, так и Виктор этот Мефу покоя не даст, – с печалью пропела Мамзелькина.

На кисловатом ветерке Среднего Тартара старушка быстро трезвела, и это ее печалило. Кроме того, параллельно приходилось работать. Коса уже несколько

раз исчезала и сразу появлялась, неуловимо занавешиваясь брезентом.

– Простите, что вмешиваюсь… Вы видели его меч? – словно между делом спросил Чан. Китайский страж только что распустил на поясе последний узелок и теперь был относительно свободен.

– Чей? Мефодия? Разумеется!

– Нет. Юноши, выросшего в Большой Пустыне, – пояснил Чан.

Бельвиазер тронул чутким пальцем породистый нос. Он был лучшего мнения о наблюдательности китайского стража.

– Ну конечно! Все видели! Он же у него за плечами! А вы разве нет?

– Я вижу только то, что я вижу, а не то, что мне показывают. Самого меча я не видел! И никто не видел! – отрезал маленький Чан.

Бельвиазер очень озадачился:

– А что же все видели?

– Ножны и рукоять! И она напомнила мне рукоять исчезнувшего оживающего клинка Кводнона. Все помнят оружие, которым владыка мрака одержал столько побед? Хоорс с оружием Кводнона – это немало! – скромно ответил маленький Чан и, опустив голову, стал наматывать на палец очередной шнурочек.

Глава 4

Двуличная витрина

Раньше всё решали, кому душа пойдет – свету или мраку, а теперь мучаются: есть ли бессмертие в принципе или человек – эволюционное производное от саморазвивающейся плесени. Причем бессмертие эдак в кучку валят – лишь бы,

думают, хоть чего-то было, а не сплошные потемки.

Ирка в разговоре с Багровым

В Москве был июнь. Обычные дожди не спешили пролиться. Стояла страшная жара. Водосточные трубы и крыши машин раскалялись. В районе психиатрической лечебницы на улице Восьмого марта голуби выстраивались в очередь, чтобы искупаться в луже. Едва заметив их, Депресняк мгновенно ринулся в атаку и вернулся спустя минуту с приставшим к морде пером, безостановочно чихая.

Недалеко от «Динамо» по покрытым тополиным пухом переулкам колесила собачья свадьба. Ошалевшие от жары, ничего не понимающие уличные псы на равных толкались с такими же ошалевшими от жары и мало что понимающими пешеходами и машинами. Депресняк попытался ввязаться в драку сразу с десятью псами, но Дафна упрятала его поглубже в рюкзак, оставив снаружи только морду, которая торчала как затычка.

Мефу пилили мозг тоскливые экзаменационные мысли.

– Дафа, а Дафа… Напиши реферат по селекции! У меня задолженность! – ныл он.

У Дафны не было никаких сил бороться с этим халтурщиком. Она и так весь год строчила рефераты едва ли не с той скоростью, с какой новенький принтер выплевывал горячие страницы.

– Сдери в Интернете!

– Эге! Ты считаешь нашего препода чайником? Он даже на лекции из Сети не вылезает. Через айфон сидит.

– А от меня ты чего хочешь?

– От тебя я хочу творчества! Скачиваешь двадцать рефератов, и из каждого тащишь по нескольку абзацев. И форму меняй. Если в компе: «Мичурин сказал: «Яблоки – это вкусно!», ты пиши: по мнению выдающегося ученого Мичурина, вкус яблок является вкусным… Ну и дальше такую же фигню!

– Мефодий! Ты свет! Слышишь: свет! – крикнула Даф.

– Ну допустим. А рефераты тут при чем? – резонно возразил Меф.

Дафна задохнулась от бессилия что-либо объяснить. Они купили мороженое. После этого Дафна, страдая от избытка культуры, долго шла с противной липкой бумажкой.

– Чего ты ее не выбросишь? – не понял Меф.

– Так урн нет!

– Ты просто не умеешь их искать! Дай сюда!

Дафна доверчиво протянула ему бумажку, которую Буслаев моментально затолкал внутрь пустотелой трубы в центре длинного фигурного забора. Дафна вздохнула: «Знала бы – не давала!»

– Ерунда! Птичка склюет! – пообещал Меф.

– Что склюет? Бумажку внутри трубы? – пасмурно уточнила Даф.

– Ну так жучок съест! Не заморачивайся!

Мефодий и Дафна шли пешком от общежития озеленителей к Новому Арбату, в гости к Варваре. В подарок «гражданке Гормост» они несли хомяка. В парке Меф выпустил его из банки прогуляться по травке. Ему казалось, что на подстриженном газоне хомяк никуда не денется и догнать его будет несложно. Однако хомяк сгинул мгновенно и без всякого следа.

– Ты безответственный! Лучше бы его съел Депря! – сказала Дафна.

Меф покосился на хитрую кошачью морду.

– Ничего себе утверждение! И главное: от кого я его слышу! От девушки с флейтой, которая по роду службы обязана защищать всех хомяков, сусликов и

прочих хордовых, позвоночных, плацентарных грызунов!

Даф не любила рассуждений про «род ее службы». Они лишний раз подчеркивали, что Меф еще не свет и до света ему ох как неблизко. Слишком сильна была в нем самость и желание лично решать, что хорошо и плохо, что делать и чего не делать. «Меж светом и тьмой останься собой!» Девиз звучный, но бессмысленный. Что такое тьма, как не выродившийся свет, не имеющий собственной творческой энергии и не способный самостоятельно создать даже мухи? И что ты имеешь, чего не получил бы извне? Таланты, разум, зубы, волосы, кости, пальцы – даже это от света.

Пусти Буслаева сейчас в Эдем – он после короткого периода адаптационного смущения и вежливого шарканья ножкой принялся бы валить в эдемском саду деревья, выстроил бы из них дом, воздвиг вокруг дома стену и принялся бы сам определять, кого пускать за свою ограду, а кого не пускать. Надо полагать, досталось бы не одним назойливым русалкам и скрипучим лешакам. Учитывая же, что смерти в Эдеме нет, лет так через миллиард весь Эдем оказался бы занят одним Буслаевым, а от вечных деревьев остались бы только вечные пеньки, на которых сидели бы контрабандно просочившиеся гномики.

– Меф! Ты баран! – вздохнула Дафна.

Буслаев отнесся к этому определению философски:

– Ты меня с бараном не сравнивай. Вдруг бараны обидятся?

На лбу у Дафны прорезалась озабоченная морщинка. Она думала о Варваре.

– Надо купить продукты. Что-нибудь долгоиграющее. Гречка, рис, вермишель, колбаса, сахар, мука… – сказала она.

Меф вспомнил, как в кастрюле у «гражданки Гормост» переваренные сосиски выворачивались наизнанку, образовывая причудливые композиции на тему многомерного пространства.

– А мука зачем? – спросил он.

– Для блинчиков, пирогов и так далее.

– Варвара, пекущая блинчики! На такое у меня воображения не хватит! Лучше побольше круп, консервов и колбасы.

– Варвара сильно изменилась за последние полгода, – серьезно сказала Даф. – Осталась совсем без денег. Эссиорх пытался ей дать – не берет. Продукты – дело другое. Их еще можно подсунуть, что мы и делаем.

– А бесконечная кредитка? – Мефодий слышал о ней от Корнелия.

– Обнулилась на другой день после гибели Арея. Банкир разнюхал моментально. Интересно, кто ему капнул?

Мефодий вспомнил коллекцию разбитых автомобилей, которые Варвара оставляла у столбов в разных местах Москвы.

– А машины? У нее же штук десять было. Можно постепенно продавать.

– Не осталось даже велосипеда… Арей не обременял себя такими скучными вещами, как права и документы. Половина машин Варвары оказалась в угоне. На другой половине были совершены преступления. Машины мрака, сам понимаешь.

– Она же где-то работала, – вспомнил Меф.

– Да, с зимы. В магазине «Сувениры» на Старом Арбате. Дали два месяца испытательного срока. К концу второго месяца заявили, что она не подходит, и вытурили.

– Заплатили хоть что-то?

– Нет. Сказали, у них пропала бронзовая лошадь, и она сама им должна.

– Обвинили, что она ее украла? – возмутился Буслаев.

– Или не уследила… Варвара говорит, они сами спрятали. Корнелий был в бешенстве. Примчался в магазин и…

– …разнес все из флейты?

– Нет. Укусил хозяина магазина за палец, когда его выталкивали. С флейтой что-то не сложилось. Говорит, мундштук отскочил.

– Жаль, меня там не было. Покусали бы хозяина вместе! – мрачно произнес Меф.

Дафна засмеялась.

– Лучше не надо! Какой-нибудь суккуб мигом накатал бы статью: «Два молодых человека ангельской наружности зверски погрызли хозяина сувенирной лавки».

Меф шел по Москве, ощущая подвижность и изменяемость города. Город жил, как живет человек, каждую минуту обновляясь и никогда не замирая. Выныривали и исчезали люди, возникали какие-то ситуации, проносились машины – и все это можно было увидеть лишь единожды. Вот идет навстречу девушка со стремительными ногами, нырнула в переход, и больше никогда ее не увидишь. А вот два подростка на скутере и бездомная собака у столба.

Меф сжал руку Дафны. Она вскрикнула. Буслаев порой не соизмерял сил.

– Прости! Я подумал, как ужасно было бы, если бы ты вдруг потерялась, – сказал Меф.

Даф вздрогнула.

– Сожми мне руку еще раз! – неожиданно попросила она.

Меф послушался, но Дафна осталась недовольна.

– Сильнее!

– Чего сильнее?

– Как в прошлый раз. Не жалей!

– Тебе будет больно.

– Плевать. Жми!

Меф сжал. Этот случай он быстро забыл и вспомнил только потом…

Пока же, шагая по Москве, Меф обнаружил интересную закономерность, связанную с высотными домами. Часто многоэтажный дом виден только издалека. Идешь к нему навстречу, почти бежишь, а он вдруг пропадает. Его закрывают другие дома, более низкие. Тщетно пытаешься нашарить его взглядом, а нет его, и уже сомневаешься, правильно ли идешь, не сбился ли с пути. И только в самом конце, совсем близко, дом вдруг выныривает, и ты снова недоумеваешь, как такое могло быть.

Меф подумал, что это как путь к свету. В начале жизни видишь его, как соседнюю гору с другой горы. А потом спускаешься в низину, и все скрывает туман, и изредка мелькнет только солнечный луч или крохотный, с ладонь, участок неба.

Они добрались до «Белорусской», потом до «Маяковской» и «Тверской». Слева тянулись пестрые бутики, между которыми изредка попадались кафешки.

– Сюда нельзя в смокингах! – пошутил Меф, кивая на табличку «No smoking!».

Дафна засмеялась, скользнула взглядом по витрине магазина модной одежды, и внезапно смех ее стал натянутым. Продолжая смеяться, она пальцами сдавила запястье Мефа.

– Веди себя естественно!.. Не оборачивайся!

– Почему? – не понял Буслаев.

– Незаметно заслони меня! Мне нужно достать флейту!

Меф сделал так, что его спина отгородила Дафну от витрины. Рука скользнула в рюкзак, а в следующую секунду мундштук флейты был уже у губ.

– Пригнись!

Мефодий поспешно присел, чтобы не попасть под атакующую маголодию. Витрина брызнула стеклом. Повалились черные, лишенные лиц манекены. Тот первый, что принял основной удар маголодии, разлетелся вдребезги. В следующую секунду Мефодий уже затаскивал Дафну за локоть в арку. Слушать вопли охраны и смотреть на метания продавщиц он считал занятием пошлым и неполезным, особенно в современном городе, когда всюду установлены камеры слежения.

Замелькали подъезды, люди, детские площадки. Толстая низенькая собака попыталась вцепиться Мефу в ногу, но промахнулась и, удивившись сама себе, остановилась и долго чихала. У Дафны на бегу отскочил мундштук флейты. Меф вернулся и, подняв, сунул его в карман. Они пронеслись через несколько дворов, насквозь пробежали сырую арку и остановились только за гаражами. За ними никто не гнался. Где-то далеко, через два двора, визгливо голосила машина, по крыше которой Буслаев из озорства пробежал.

– Кажется, я погорячилась! Или, может, не погорячилась! Нет, я все правильно сделала! – Дафна все еще задыхалась.

– Что там было-то? – спросил Меф.

– Суккуб! Стоял среди… уф… манекенов! Лысый, щеки пухлые! Кажется, мелькал когда-то на Дмитровке…

– Суккуб? И всё? – разочаровался Меф. – Пускай златокрылые на них охотятся!

Наметанным глазом Буслаев замечал суккубов и комиссионеров повсюду. Даже тех, что были под мороком. Только сегодня утром два суккуба ползали по стене общежития, кривляясь и заглядывая в каждое окно. Один из них гадко осклабился, по-свойски подмигнул Мефу и быстро пролез наверх, прежде чем Буслаев успел в него чем-нибудь запустить.

Дафна замотала головой:

– Ты не понимаешь! Я бы обошлась и без маголодии, но тут меня словно взорвало. Он показывал на тебя!

– Кому показывал?

– Я толком не рассмотрела. Кому-то, кто тоже стоял среди манекенов. НА ТЕБЯ!

Теперь уже и Мефу это не понравилось.

– И кто был этот другой? Страж?

– Кажется, нет. Хотя я не знаю. Говорю же: все произошло слишком быстро.

«Теряю форму. Некоторое время назад я бы почувствовал… А тут как дурачок на таблички глазел», – подумал Меф с обидой на себя.

– Ты в них попала?

– Не думаю. Стекло помешало.

Мефодий выглянул из-за гаражей и, убедившись, что никого поблизости нет, вышел. Тихий московский дворик дышал немосковским зноем. Распаренная солнцем березка воображала себя пальмой. На ее верхней ветке болтались детские колготки. В разобранной машине с выбитыми стеклами на руле сидела ворона и с хозяйским видом посматривала по сторонам.

– Почему они не погнались за нами? – спросила Даф.

– Кто? Суккубы не по той части, чтобы за кем-то гоняться. Разве что с букетом ромашек, – презрительно отозвался Меф.

– А тот, второй?

– Может, ты все же задела его стеклом? Тогда некоторое время ему будет не до нас… Надеюсь, что пронесет. Эти полгода меня никто не трогал, – Меф старался не смотреть на Дафну, чтобы она не заметила, как сильно он встревожен.

Мрак ничего не делает просто так. Если суккуб показывал его кому-то, скоро что-то последует. И если бой, то чем защищаться? Хоть бы меч был! Но связь с прежним клинком, которым он зарубил Арея, навеки нарушена. На зов он больше не явится – Буслаев это чувствовал. Двуручник же Арея Меф отдал Эссиорху и слышал, что тот помог Троилу. Это была хорошая новость, однако двуручника с тех пор он больше не видел.

Меф не тренировался уже больше шести месяцев, разве что на турнике болтался и к брусьям иногда подходил, но это не в счет. Даже мысль, чтобы снова взять в руку клинок, была ему отвратительна. Мечом он убил Арея – и теперь всякий раз, когда на глаза ему попадалась любая железка, пусть даже в нелепом фильме про мушкетеров, где шпагой работают по школе рапиры, к горлу Мефа подкатывала тошнота. Он сразу выключал фильм.

Буслаеву казалось: всё в прошлом. Когда-то он был наследником мрака и учеником Арея, а теперь студент-биолог, который с осени будет учиться на втором курсе. Потом на третьем, на четвертом и так далее. Затем аспирантура или армия. Доблестный рядовой Мефодий Буслаев изучает устройство миномета под руководством ефрейтора Мухамеджанова. Он же в казарме красит кровати. Фото на память для мамы и девушки Даши Пименовой. И хватит об этом.

И вот, когда новая картина жизни Мефа сложилась у него в голове, происходят непонятные изменения. Суккуб показывает его кому-то, как зверушку в зоопарке. Зачем? Без причины суккубы ничего не делают. У мрака вообще очень адресное любопытство, по кошачьему типу: кошке интересно только то, что съедобно или движется, а суккубу и комиссионеру – лишь то, что выгодно.

С Дафной о разбитой витрине они больше не говорили. И так все было ясно. Мрак снова о них вспомнил. Спокойная жизнь осталась в прошлом.

Они прошли по Моховой, у государственной библиотеки свернули и неподалеку от «Арбатской» наткнулись на продовольственный магазин, чудом уцелевший в центре, где проще купить колье, швейцарские часы или гоночный болид, чем батон хлеба. Из выведенной наружу трубки кондиционера в подвешенную

бутылку грустно капала вода.

В торговый зал с рюкзаками не пускали. Депресняка пришлось запереть в камере хранения. Он мерзко орал и дебоширил, пугая мирных и жалостливых бабулек.

– Ты меня любишь? – Вопрос Дафны прозвучал, когда Меф нагружал тележку консервами для Варвары.

Буслаев удивленно повернул голову. Он выуживал зажатую между двумя коробками банку тушенки, и на любовь к Дафне внимания у него не наскребалось.

– Ну да! Само собой!

Дафну ответ не удовлетворил.

– Как именно ты меня любишь? – спросила она.

– Пламенно, – Меф поймал завалившуюся на него шпротную пирамиду.

Будь он философом, он пояснил бы, что любить даже самого хорошего человека нельзя двадцать четыре часа в сутки. Это пиковое состояние, которое удерживается только несколько минут в день. В прочие часы и минуты любовь переливается в десятки других чувств – нежность, товарищество, дружелюбную полусердитость, ворчание и т. д. На другое у нее просто не хватает накала. Едва ли муж, в одиночку волокущий с четвертого этажа старый диван, который жене вздумалось выбросить в двенадцатом часу ночи, испытывает к своей половине какую-нибудь особенную любовь. А между тем, и это тоже проявление любви. Но Буслаев философом не был. Он был практик, живущий в практическом мире и старающийся совершать практические поступки.

Именно поэтому он ободряюще толкнул Дафну плечом и повез тележку к кассе. Потом остановился и оглянулся. Дафна смотрела на него все так же непонятно, почти с мольбой.

– Слушай, чего я подумал! Варвара же лошадей любит? А если купить ей конскую тушенку? Ну ради прикола! – ляпнул Буслаев.

* * *

В середине мая, когда деревья опушились зеленью, Варвара нашла себе другую работу. Работала она через день плюс каждую субботу, на чью бы смену суббота ни приходилась. «Гражданка Гормост» возвращалась вечером усталая, выжженная солнцем, но довольная. Скулы румянились жаром. Нос облез. Плечи тоже облезли. Видны были белые полоски от майки.

Работала она рядом с «Коломенской» – следила за прокатными лошадьми, которых было у нее две: старый пофигистски настроенный мерин Чуфут и пугливая молодая кобыла Чайка, которая могла понести даже от пролетевшего воробья или висевшей на дереве ленты. Спрятаться от солнца было негде – лошади стояли на асфальте футбольного поля. Катать кого-либо за пределами поля было строго запрещено после случая, когда убежавшая у Варвариной сменщицы Чайка едва не утопила в пруду десятилетнюю девочку.

Сегодня Варвара была выходная. У нее сидел Корнелий и чистил картошку, пуская кожуру извилистой змейкой. Варвара ремонтировала настольную лампу, используя вместо отвертки тесак. Рядом лениво ворочал лопастями вентилятор.

– Варвара! – говорил Корнелий, волнуясь. – Я буду краток, ибо краткость – сестра таланта, супруга гения и мать мудрости. Без краткости нет ни успеха, ни победы, ни уважения к чужому времени. Как друг и отчасти вдохновитель спартанцев, научивший их говорить лаконично, я не позволю себе злоупотреблять твоим терпением и сразу перейду к сути проблемы… Я люблю тебя, Варвара!

Он наклонился к Варваре и задел ее по носу болтающейся картофельной кожурой. «Гражданка Гормост» зевнула.

– Не загораживай свет! И не торчи рядом! Без тебя жарко!

Корнелий печально распрямил спинку.

– Ты красивая. Я умный и храбрый. Мы прекрасная пара! – сообщил он.

Варвара сдула со лба челку.

– Сгинешь, а? По-хорошему?

– Запросто. Но знай: я ухожу навсегда! – пригрозил Корнелий и… передвинулся ближе к столу.

На электроплитке кипел суп. Под столом, похожий на медвежью шкуру, неподвижно лежал Добряк. Не шевели пес изредка ушами, его можно было принять за дохлого.

Минувшая зима далась Добряку нелегко. Хозяева киосков на Новом Арбате его уже знали, что затрудняло охоту. На морде появился шрам, доходивший до кончика носа. Шерсть на нем не росла вообще. В районе лба свежий шрам пересекался с другим шрамом, шерсть на котором была седой. Почему шрамы так отличались, Варвара не могла объяснить. Равно как и не знала, где Добряк его получил. То ли машина ударила номерным знаком, то ли поплатился за свои проделки с курами гриль.

– И вообще, колючая ты какая-то! Ну что тебе стоит быть нежной, женственной? Всякие там юбки, каблуки, прочая женская спецодежда… – пробуя, Корнелий зачерпнул ложкой суп. – Кажется, соли маловато… И перец-горошек не помешал бы! Чего вот ты, например, с этой лампой связалась? А?

– Плюнь на руку! – велела Варвара.

– Зачем? – удивился Корнелий.

– Чтобы мокрая была. А теперь подержи здесь!

Корнелий послушно взялся за провод.

– Теперь тут! Первый не отпускай!

Корнелий взялся за другой провод и, завопив, подскочил на полметра. Электрический разряд заставил его щелкнуть зубами.

– Спасибо! Я хотела выяснить, можно ли обойтись без заземления! – поблагодарила Варвара.

Внезапно Добряк под столом поднял морду и негромко зарычал.

– Кто-то идет! – сообщила «гражданка Гормост».

Корнелий прислушался. Толпа снаружи гудела, как горный поток. Кто-то вещал в мегафон, уговаривая купить лотерейный билет.

– Кто спорит? Еще как идут! – согласился он.

– Кто-то идет к нам! И Добряк его знает!

– Почему?

– Шерсть на загривке лежит. Когда идет чужой, она встает дыбом.

Варвара хорошо изучила своего пса. Не прошло и десяти секунд, как в железную дверь негромко стукнули два раза и потом еще один. Варвара отодвинула тяжелый засов. В не самую просторную в мире комнату протиснулась Дафна. Навьюченный сумками Мефодий подзадержался, читая объявление на железной двери:

«Уважаемые москвичи и гости столицы! В случае каких-либо вопросов, связанных с использованием данного помещения, шума, жалоб или нарушения пломбы звоните в эксплуатационный отдел «Гормост».

Дальше почему-то следовал сотовый телефон Варвары.

Меф вошел. Добряк перестал рычать, вильнул хвостом и принялся обнюхивать пакеты.

– О, привет! Давно вас не было! – сказала Варвара. – Чего вы там притащили? Пожрать? Положите где-нибудь!.. А изоленты у вас, случайно, нету? Так я и думала!

– Ее можно заинтересовать только изолентой! А меня нет! Я всем интересуюсь! – заявил Корнелий, начиная деловито рыться в сумках.

– Ха-ха, – деревянным голосом сказал Меф.

Он попытался улыбнуться, но только оскалился, издав непонятный самому звук. Ему было скверно до тошноты. Хотелось скорее выскочить наружу. И будь что будет. Меф ощущал себя как человек, случайно раздавивший соседскую девочку и пришедший к ее родителям извиняться.

Порой Мефодий ненавидел Варвару за то, что виноват перед ней. В такие моменты ему не то что навещать ее не хотелось, но и весь центр Москвы казался «оварваренным» и страшным. Тяжело ощущать, что ты причинил кому-то боль и не можешь отыграть назад. Если в такие дни Дафна отправлялась к Варваре, то Мефодию палкой приходилось загонять себя в рамки человечности и идти вместе с ней.

Дафна же, словно что-то чувствуя, вечно выбирала именно такие дни.

– Меф, ты что-то сказал? – Варвара запоздало отреагировала на его деревянное «ха-ха».

«Я обезглавил твоего папу. Понимаешь, так получилось… А вот тушенка с кониной. Тебе смешно?»

– Кто, я? Нет, ничего! – спохватился Буслаев.

Он огляделся. В комнате у «гражданки Гормост» ничего не изменилось. Плакаты гражданской обороны, вентилятор; лампочка, вздрагивающая, когда сверху проносятся машины. Грузовая машина – сильная дрожь. Легковая – едва заметное подрагивание.

Варвара заметила, что Мефодий то и дело переводит взгляд на диван, на котором когда-то спал мечник.

– Квартиранта ищешь? – спросила она кисло.

Меф сам не помнил, что ответил. Хотя ответа от него и не ждали.

– Сгинул дядя! Не пойми куда делся… Барахло свое бросил. Если хотел слинять, мог бы хоть попрощаться приличия для. Правда, висюльку вон оставил. И на том спасибо! – Варвара качнула пальцем медальон, висевший у нее на шее.

Несмотря на внешнюю небрежность движения, Буслаев почувствовал, что медальоном «гражданка Гормост» дорожит. Он висел на новом желтом шнурке из тех, что продаются для мобильных телефонов.

Мефодий засопел. Варваре никто не сообщал о гибели Арея: ни Дафна, ни Улита, передавшая медальон, ни Корнелий, ни изредка навещавший ее Эссиорх. Ни у кого не поворачивался язык. Однако Варвара все равно что-то улавливала.

– Как бы его не пристукнули, задиру этого! Вечно он влезал в истории! – сказала она, и Мефу показалось, что горло ему сдавили наброшенной сзади удавкой.

К счастью для него, Варвару перебил Корнелий, влезший с каким-то вопросом про суп. Рядом с Варварой связной света был так возмутительно счастлив, что Мефа это даже озадачило.

С его точки зрения, казаться до такой степени довольным было просто опасно. Человеку свойственно преуменьшать свое счастье, чтобы получить еще кусочек на бедность. Налог на недовольство, так как каждый знает, что недовольные получают больше. Их утешают, успокаивают, ковыряются у них в ушках, уделяют им больше внимания и всякое такое прочее.

Корнелий же был счастлив на полную катушку, на все восемь зубов. Потому что когда улыбается нормальный человек, видны только восемь верхних зубов.

Перепоручив недоваренный суп Дафне, связной света извлек флейту и, терзая ее, начал исполнять маголодии собственного сочинения.

У Эссиорха, рисовавшего много и жадно, Корнелий заразился творчеством в самом грустном его проявлении. Если Эссиорх никогда не считал себя гением, то у Корнелия это стало отправной точкой. То есть вначале он ощутил, что он гений, а уже после стал определяться, в какой именно области.

Перепробовав себя поочередно в живописи и скульптуре, Корнелий остановился на музыке, как на искусстве, не оставляющем вещественных улик дилетантизма. За музыку обычно бьют один раз, а за живопись могут и многократно. День юный творец обычно начинал с того, что долго лежал в кровати и громко ныл, требуя к себе внимания. Ему казалось, так поступают все гении. И внимание он получал: после десяти минут нытья из соседней комнаты приходила Улита. Стуча каменными пятками, этот делегат от человечества молча переворачивал кровать вместе со страдальцем и уходил.

– Я тебя не прощу! Никогда! Даже не умоляй!.. – кричал ей вслед обиженный гений.

Затем страдалец поднимался с пола, оскорбленно чесал спину и перемещался мучиться на кухню. На кухне он пил обжигающе горячий кофе, одновременно опуская ноги в таз с ледяной водой. Потом садился на подоконник и долго играл на флейте.

Действие его маголодий было непредсказуемым. Иногда в небе скапливались тучи и проливался затяжной дождь. Порой на улице скисали лужи или снег окрашивался в синий цвет. Или у дома собиралось столько голубей, что не было видно земли. Улита кидалась спасать с балкона белье, а Эссиорх три дня не мог отмыть свой мотоцикл.

Меф некоторое время послушал маголодии Корнелия, а затем подошел и молча положил что-то ему на колени. Корнелий перестал играть. Взял странный предмет, понюхал, затем согнул и отпустил.

– Надо же! Резиновая колбаса! А выглядит как настоящая! – удивленно воскликнул он.

– Мы покупали настоящую, – заметил Меф.

Корнелий смущенно кашлянул.

– Ну это еще ничего! Могло быть гораздо лучше! – бодро сказал он, вовремя спохватившись, чтобы не брякнуть «гораздо хуже».

Дафна о чем-то разговаривала с Варварой. Та слушала ее, продолжая ковырять лампу. Беседовали они, должно быть, о чем-то хорошем и теплом, потому что грубоватое лицо Варвары смягчилось и казалось растроганным. Говорила в основном Дафна, Варвара отвечала односложно.

Вмешиваться в их разговор Меф не стал. Он знал, что в такие минуты толку от него мало. Он может только топтаться рядом и что-то невпопад брякать, отправляя звуковые волны побираться по углам.

Не зная, чем себя занять, Буслаев стал бродить по комнате, разглядывая на плакатах гражданской обороны знакомых человечков, прячущихся в складках местности от ядерного взрыва. Неожиданно сердце у него сбилось с такта.

У дивана Мефодий увидел грязную холщовую сумку. Последний раз он встречал ее в кабинете Арея на Большой Дмитровке. Меф шагнул сначала от сумки, потом к ней. Сумка влекла его как магнит.

– Можно посмотреть? – спросил он у Варвары, не узнавая своего голоса.

– Только вякни! – любезно отвечала та.

– Чего-о? – не понял Буслаев.

– Вот глухомань! – удивилась Варвара. – Я ж говорю: «Только вякни!» Значит: «Спросил и бери!»

Взмокшей рукой Мефодий взял сумку и открыл ее. Вещей у Арея оказалось немного: гусиное перо, свиток из Канцелярии мрака, ключ от неизвестного замка и катар с Н-образной рукоятью.

Больше всего воспоминаний у Мефа вызвал катар. Арей постоянно носил его с собой, предпочитая действовать им в ситуациях, когда не было возможности пустить в ход длинный меч. Прямые удары катара наносились всей силой корпуса, усиливаясь движением бедра. Н-образная рукоять не выскальзывала

даже из влажной или окровавленной ладони. Это было страшное оружие. В узких коридорах Подземья или в свалке при большой скученности сражающихся катар ничем нельзя было заменить.

В свой последний бой Арей его не взял.

Меф осторожно коснулся катара, проверяя, как тот к этому отнесется. Катар вздрогнул, но атаковать его не стал. Узнал ученика своего хозяина. Меф подумал, что эту идеально подогнанную под кисть рукоять сжимали пальцы Арея. Мефу захотелось оставить его у себя.

– Он тебе нужен? Можно взять? – спросил Меф у Варвары.

«Гражданка Гормост» оглянулась.

– Давно пора. Забирай всю сумку! – заявила она после короткого размышления.

– Всю? – не поверил Мефодий.

– Мне она не нужна. Если он вернется – отдашь ему… Давно собиралась выбросить это барахло! У меня тут не склад! – сказала она агрессивно.

Меф поперхнулся.

– А…

– Чего «а»?

– …память?

– Чего он, покойник, чтобы его помнить? Я не склеротичка, и без барахла друзей не забываю. Забирай, тебе говорят! На кой он мне сдался, этот громоздкий ножик, когда им даже хлеба не отрежешь?

«Резать катаром хлеб! Скажи спасибо, что выжила!» – едва не ляпнул Меф, знавший, каким обидчивым бывает магическое оружие. Он оглянулся на Дафну.

Та внимательно смотрела на него, однако попыток отговорить Мефа не предпринимала. Буслаев взял холщовую сумку и перекинул через плечо.

Варвара проследила глазами, как сумка приобретает нового хозяина, и сердито подозвала Добряка. Огромный пес, хорошо знавший интонации хозяйки, попытался спрятаться под диван, но пролезла только голова.

– Куда ползешь, скелетина! – рявкнула Варвара. – Иди потрошиться!.. Лежать-бояться, кому говорят!

«Гражданка Гормост» решительно завалила его на бок и, перевернув на спину, прижала к полу. Меф увидел, что Варвара сидит верхом на Добряке и, коленями зажимая ему голову, производит нечто вроде трепанации черепа с одновременным выкручиванием ушей. Добряк вертел головой и тряс мордой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/emec_dmitriy/ognennye-vrata

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить